

ДМИТРИЙ
КАЗАКОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКИЕ БОГИ

Дмитрий Львович Казаков

Русские боги

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184488
Русские боги: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36710-8*

Аннотация

Они живут рядом с нами, неузнаваемые и почти невидимые. Екатерина Великая содержит агентство эскорт-услуг в Москве. Иван Сусанин возит в Россию польских туристов. Владимир Высоцкий собирает бутылки около Выхинского рынка...

Все, кто попал в память России, стали частью ее истории и живут среди нас. Но однажды их начали убивать, одного за другим, быстро и безжалостно. Началась война, почти неощутимая для людей, война, от исхода которой зависит, быть России или не быть. Банковский служащий Игорь Ветров невольно оказывается в самом центре этой невидимой миру схватки...

Содержание

Глава 1	4
Бомж	29
Глава 2	30
Библиотекарь	49
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дмитрий Казаков

Русские боги

Моим родителям

Тут много чего намешано. Идеи. Верность. Память. А потом из всех этих штуковин появляется новая форма жизни. Скорее даже не просто форма жизни, а живая идея. И складывается она из всего, что есть в королевстве живого, а также из того, что народ себе воображает. И еще из того, что он думал раньше, еще до нашего рождения.

Т. Пратчетт «Вещие сестрички»

Глава 1

Нужно наконец вместе с величайшими философскими умами XIX века иметь мужество признать, что прогресс вовсе не обязателен для человека, что зло есть в жизни космоса и человечества такое же самостоятельное реальное начало, как и добро, что из-за человека в человечестве и его истории борются Бог и Дьявол.

П. Б. Струве «Россия»

Пятница началась с того, что Игорь проспал.

В электронных мозгах будильника что-то перемкнуло, и он зазвонил на тридцать минут позже. Игорь открыл глаза, некоторое время полежал, вслушиваясь в посапывание жены и глядя в полумрак спальни.

И только потом осознал, что зеленые циферки показывают совсем не восемь ноль-ноль.

Далее события понеслись в бешеном, почти спортивном темпе: прыжок с кровати, рывок в ванную, затем на кухню, неудачная попытка одновременно побриться и завязать галстук. Через полчаса Игорь, дожевывая на ходу колбасу и почесывая порезанную щеку, выбрался в подъезд.

Нажав кнопку вызова лифта, он вспомнил, что забыл дипломат.

Вернувшись за ним, Игорь получил не только тонкий чемоданчик с документами, но и поцелуй от проснувшейся жены. Со второй попытки спустился-таки на первый этаж и вихрем выскочил из подъезда.

Над Москвой властвовало летнее утро, еще не испорченное жарой, выхлопами и злобой столичного бытия. Небо пока было голубым, а не серым, плыли по нему желтые облака, и ветер пах свежестью. Из стоявшего буквой «П» дома выходили сонные жители, клацали дверцы автомобилей, с улицы Шверника доносился рев моторов и шорох шин по асфальту.

Игорь впихнул себя в салон темно-синей «Тойоты Камри», завел мотор и принялся выруливать со двора.

Свернул на улицу и окунулся в поток движения.

Сотни раз езженный маршрут привел его на Большую Ордынку. Как всегда, Игорь потратил некоторое время на то, чтобы отыскать место для парковки. Вылез из машины и торопливо зашагал туда, где над тротуаром нависал массивный козырек, а над ним горела синим и белым вывеска «РОС-НорБанк».

Здесь Игорь Ветров проработал девять лет. Пришел после университета, начал с простого экономиста и дорос до начальника отдела ценных бумаг. Случалось всякое, но ни разу он не испытал желания сменить место работы.

Слишком уж не любил всяческие перемены.

Стеклянные двери разошлись, и он шагнул в вестибюль, где пахло мебельным лаком и искусственной кожей. Охранник за стойкой лениво зевнул, кивнул в ответ на приветствие. Игорь прошел через рамку металлодетектора и направился к лифту. Тот поднял его на третий этаж, и Ветров погрузился в привычную суету рабочего дня.

Прошедшие торги в Токио и Сингапуре... цены на золото и на нефть... звонки от взбалмошных клиентов... ошибки экономистов... открытие бирж в Париже и Лондоне... и бумаги, бумаги, бумаги...

Иногда Игорю казалось, что весь их банк – громадное чудовище, пожирающее информацию сотнями алчных пастей, а потом извергающее тонны бумажного кала. Обычно такие мысли приходили в конце весны и начале лета, когда накапливалась усталость.

Краткая передышка на обед, и вновь – звонки, бумаги, поход к начальству «на ковер», цифры и буквы на мониторе...

К восьми вечера, наконец оторвавшись от компьютера, Игорь ощутил себя выжатым, словно лимон.

– Все, – сказал он, – по-моему, на сегодня хватит.

За окном потихоньку сгущался вечер, уличный шум становился глуше, мягче. Из сотрудников отдела на месте не осталось никого, в помещениях банка властвовала необычная тишина.

– И точно, хватит.

Игорь потянулся так, что захрустело в плечах. Помассировал чесавшиеся глаза и, поднявшись, потянулся за пиджаком. Поставил кабинет и отдел на сигнализацию, а когда вышел в коридор, решил заглянуть в туалет.

Кто знает, сколько стоять в пробке на Люсиновской?

В туалете было прохладно, журчала вода, лампы отражались в светло-голубом кафеле. Игорь сделал свои дела и подошел к раковине. Умылся, а когда потянулся за бумажным полотенцем, глянул в зеркало, на собственное отражение, и остался очень им недоволен.

Обычно круглое лицо осунулось, серые глаза лихорадочно блестят, под ними круги. Седины в темных волосах вроде бы стало больше... или это только кажется? А брюшко под рубашкой точно выросло.

– Еще две недели, и в отпуск, – сказал Игорь. – На море. Плавать до посинения, загорать и худеть. А завтра мы с Каткой махнем...

Куда, они еще не решили. Можно поехать к родителям жены на дачу, в гости к Витьке, у которого дом на Пироговском водохранилище. В любом случае – на два дня прочь из опостылевшего города, подальше от пробок, смога и шума.

– Да, так и сделаем, – проговорил он уверенно.

Выйдя из туалета, Игорь прошел к лифту. Внизу, на вахте, сдал ключи охраннику ночной смены и вышел на улицу. Забрался в автомобиль и, вклинившись в поток машин, двинулся к дому.

При переезде через Садовое кольцо пришлось постоять в пробке, да и потом, до самого метро Тульская двигались еле-еле, со скоростью никуда не спешившей лошади. Игорь зевал, поглядывал на часы, слушал радио.

Позвонил жене, сообщил, что едет. Она ответила, что ждет, и на душе потеплело.

На Шверника вывернул, когда время перевалило за половину десятого и начали сгущаться сумерки. Игорь прибавил скорости, по радио Шевчук запел «Белую реку», и справа открылась громада здания Дома студента и аспиранта.

Фонари еще не горели, вдоль обочины стояли припаркованные автомобили, и метнувшуюся перед машиной тень Игорь заметил в последний момент. Выкрутил руль, ударил по тормозам. Машину занесло. Его рвануло вперед, страховочный ремень зло заскрипел. Услышал глухой удар, а потом обнаружил, что жив и невредим, а сердце колотится как бешеное.

– Твою мать, б..., – процедил Игорь. – Долбаный псих. Сука. Чтоб он сдох до своего рождения...

Трясущимися руками отстегнул ремень и выбрался из автомобиля.

У обочины, раскинув руки, на спине лежал мужчина. Светло-синяя рубашка с короткими рукавами была залита кровью, потеки ее виднелись и на асфальте. Лицо выглядело чистым, глаза были закрыты, торчала борода.

– Твою мать! – повторил Игорь, присаживаясь на корточки. – Ну за что мне это, господи? За что? И что теперь делать?! И откуда столько крови? Я же его едва задел! Нет, это бред!

Он не курил со школы, но тут захотелось найти где-нибудь сигарету и как следует затянуться.

– Надо звонить, вызывать ментов и «Скорую». А что потом? Права отберут, пока будут разбираться. Таскайся по судам. Или, может быть...

Игорь огляделся.

Улица, всегда оживленная, выглядела необычайно тихой, как проселок глубокой ночью. Ни единой движущейся машины видно не было, ни одного человека. Окна дома за левой обочиной закрывали деревья, и оттуда никто видеть происшествия не мог. Дом студента и аспиранта стоял торцом, а там только пожарная лестница. Да и далеко он от проезжей части, оттуда разглядеть что-то в сумерках невозможно.

Если сесть в машину и быстро удрать, то есть шанс скрыться.

Игорь глянул на капот «Тойоты» – тот немного помялся, но кровь на автомобиль не попала, и номер остался на месте. Поднялся с корточек, и тут кольнуло сердце – как же так, бросить раненого посреди улицы, на проезжей части. А потом думать, что по твоей вине погиб человек? Надо хотя бы понять, что с этим парнем, насколько все серьезно...

– Нет, ну... это, так нельзя, – сказал он. – Эй, друг, очнись!

Бородатый, от которого совершенно не пахло алкоголем, открыл глаза, приподнял голову. Дернулся туда-сюда выпирающий кадык.

– А, жив! – воскликнул Игорь. – Давай я вызову тебе «Скорую» и поеду. А то ты упал тут неудачно...

Сам понимал, что говорит ерунду, но остановиться не мог. Сердце по-прежнему сжималось от страха, а поджилки тряслись. Хотелось как можно быстрее оказаться дома, вытащить из холодильника бутылку пива и...

– Не надо «Скорой»... Отвези меня к себе... – проговорил бородатый тихо.

– Что? Знаешь ли...

Глаза раненого закрылись, он вновь бессильно обмяк, а в голове у Игоря тихо щелкнуло, словно он переключился с передачи на передачу. Исчез страх, пропали сомнения, осталась только уверенность в том, что нужно делать так, как сказал тип с бородой, и никак иначе.

Бородач оказался удивительно тяжелым. Пыхтя и пачкая дорогой костюм кровью, Игорь затащил его на заднее сиденье. На асфальте осталось несколько темных потеков. А потом сел за руль и поехал, как будто ничего и не было. И лишь подъезжая к дому, он встретил первую машину – большой черный джип.

И только во дворе, около собственного подъезда, Игорь осознал, что именно делает. Выключил мотор и остался сидеть в темном салоне, вздрагивая от запоздалого ужаса.

– Что я натворил? И что делать? – пробормотал он.

Удрал с места происшествия. Увез пострадавшего с собой, даже не зная, насколько тяжело тот ранен.

Поступки не просто глупца, а последнего идиота.

Игорь застонал, обхватил голову руками. Показалось, что из темноты двора на него кто-то смотрит. В испуге огляделся, но никого не увидел, лишь припаркованные машины поблескивали в полумраке.

– О боже, ну и ерунда мерещится.

Раздавшийся с заднего сиденья голос заставил Игоря вздрогнуть.

– Где мы? – спросил бородач.

– У моего дома... Вам лучше? Может быть, с вами все в порядке? – Игорь вновь понес чепуху.

– Это вряд ли. Удар ножом в печень вреден для здоровья. А ну-ка, помоги мне дойти туда, где я могу отлежаться.

Голос у раненого был негромкий и глухой, но не слабый и очень властный. Что-то звучало в нем такое, что наводило на размышления о великих правителях прошлого, о тех, кто завоевывал страны, повергал в пыль города.

– Да, – сказал Игорь.

Мысль о том, что ему «повезло» наехать на участника бандитских разборок и что лучше держаться от них подальше, мелькнула и исчезла бесследно, точно летучая мышь в ночи.

Он вылез из машины, распахнул дверцу и принялся вытаскивать бородача. Тот стонал сквозь сжатые зубы, а двигался с трудом, видно было, что рана (или раны?) ему мешает. Они поднялись на крыльцо, Игорь открыл наружную дверь подъезда, затем внутреннюю.

Несмотря на летний вечер пятницы, и двор, и сам дом казались вымершими. Окна горели, но никто не ходил и не ездил, не спускался на лифте.

Игорь затащил раненого в кабину, и та медленно, с гудением поехала вверх. Вылезли на нужном этаже, и тут, у очередной двери, бородач пошатнулся и начал заваливаться назад.

– Стой! Куда!

Игорь подхватил его и с трудом удержал невыносимо тяжелое тело. Невероятным образом сумел заволочь раненого в межквартирный холл и дотащил до квартиры. Клацнул открывшийся замок. Стало видно повешенное напротив входа зеркало, стена, обклеенная обоями цвета охры.

– Это ты, милый? – спросила Катя с кухни.

– Я, – ответил он.

Почти занес бородача в квартиру и остановился, тяжело отдуваясь. Из последних сил захлопнул дверь, и тут в прихожую вошла Катя. Одета она была в игривый фартучек поверх короткого халата, открывавшего стройные ноги. пышные русые волосы падали на плечи.

Они прожили вместе семь лет. Познакомились случайно в магазине, через месяц она переехала к нему, а еще спустя год подали заявление. Порой ссорились и мирились, как все нормальные пары, но серьезных конфликтов все это время не было.

Спокойное, тихое семейное счастье.

– Ты что, пил? С этим вот типом? – спросила Катя.

– Это... ну... вот, – выдавил Игорь.

В этот момент он ощутил себя полным и окончательным идиотом. Захотелось провалиться сквозь землю, и желательно поглубже. В зеркале обнаружил собственное отражение – галстук набекрень, на бежевом пиджаке – пятна крови, глаза вытаращены, лицо белое.

Да еще держит под руку шатающегося бородатого мужика.

– Нет, ответь! Ты пил?! – повторила Катя.

В голосе ее появились чужие, визгливые нотки, а руки она уперла в бока, как обычно в моменты гнева.

– Нет, милая...

Договорить ему не дали. Катя совершенно неожиданно завелась.

– Мало того что напился, так еще и собутыльника приволок! Бросил бы его у помойки и сам бы там остался! И когда только успел?! Полчаса назад звонил, был еще трезвый! Или ты машину пропил?!

Игорь благодаря шести годам в браке знал, что, когда жена в таком состоянии, спорить с ней бесполезно. Можно лишь кивать, со всем соглашаться и ждать, когда она остынет. Но тут он оказался слишком напуган и измучен и поэтому не удержался, не промолчал.

– Пил?! Прежде чем орать, попыталась бы хоть разобраться!

– Разбираться?! И не подумаю! Еще твои пьяные бредни слушать! Все, я уйду к маме! Давно собиралась!

Развернувшись, она хлопнула дверью спальни. Послышался грохот выдвигаемых ящиков.

– Твою мать! И за что мне это, а? – сказал Игорь.

Облегчив душу, он повел бородача в гостиную. Сейчас завести его, уложить на диван, а затем вернуться и поговорить с женой. Она выслушает, успокоится и поймет, не сможет не понять.

Провел раненого мимо шкафа с книгами, скрипнул под немалым весом синий плюшевый диван.

– Полежи пока тут, – проговорил Игорь. – Эй, Катя...

Он успел только развернуться и увидеть, как жена с сумкой в руках пронесется через прихожую. Хлопнула, закрывшись, дверь квартиры, прозвучал и затих дробный цокот каблучков.

Нужно было бежать, догонять, но Игорь почувствовал страшное опустошение. Слишком много необычного, выбивающего из колеи свалилось на него в этот вечер: дорожный наезд, странный бородач, совершенно неадекватная истерика жены. И сил просто не осталось.

– Ладно, завтра позвоню. Поговорим, и она вернется, – сказал он, а потом повторил: – Обязательно вернется.

Зажег в гостиной свет, дипломат бросил на стул. Избавившись от ботинок, прошел к бару и вытащил оттуда бутылку коньяка «Каспий». Дрожавшей рукой налил чуть ли не половину стакана и выпил одним глотком.

Выпивку Игорь особенно не любил, но сейчас чувствовал: нужно.

Напряжение немного отпустило, стало легче двигаться, а сердце забилось ровнее. Только после этого как следует разглядел попавшего ему под колеса мужика. Тот был высок и широкоплеч, жилистые руки могли принадлежать гимнасту. Русые волосы, бородака того же цвета, на ногах – кроссовки и светло-синие джинсы. Толстый ремень и пряжка белого металла, украшенная изображением черепа, из глаз которого выползают две змеи.

Словно почувствовав взгляд, раненый поднял веки. Под ними обнаружили темные, необычайно яркие глаза.

– Ты... – сказал бородач, а затем вновь потерял сознание.

Правая рука его при этом разжалась, и из нее выпал цифровой фотоаппарат. Захлестнутая за мощное запястье петля не дала ему брякнуться на пол, и приборчик закачался из стороны в сторону.

– Это еще что такое? Знаете ли, как он эту штуку по дороге не потерял? Очень даже интересно...

Игорь решил, что имеет право проявить любопытство. Он отставил стакан, присел и осторожно снял фотоаппарат с руки раненого. Вытер с серебристого корпуса пятнышки крови, нажал кнопку включения. Крохотный экран ожил, на нем появилось изображение ковра, его сине-красные узоры, и индикатор зарядки в правом нижнем углу.

– Так, посмотрим, что тут есть.

Первая же фотография заставила Игоря вздрогнуть. Увидев вторую, ощутил, как под ногами закачался пол. Чтобы не упасть, он был вынужден схватиться за диван, а затем потянулся за коньяком.

На фотографиях был труп, окровавленный, истерзанный, в разорванной одежде.

Но испугать или удивить подобным зрелищем человека, смотревшего не один десяток фильмов ужасов, невозможно. Содрогнуться Игоря заставило совсем другое – прекрасно сохранившееся лицо мертвеца.

Лицо, известное каждому человеку, учившемуся в советской или российской школе. Смуглое, с бакенбардами и курчавыми волосами, с толстыми губами и высоким лбом.

Лицо Александра Сергеевича Пушкина.

Игорь отложил фотоаппарат, налил себе еще коньяка и проглотил его, не ощутив вкуса.

– Нет, это невозможно. Это мне показалось, – забормотал он. – Он просто похож. Или это постановочный кадр...

Глядеть на крохотный экран было страшно до дрожи, но Игорь заставил себя это сделать. И вновь поразился дикому, невероятному сходству мертвеца с известнейшим русским поэтом. Закрыв глаза, как следует ущипнул себя за бок и помассировал уши. Но, когда открыл, изображение не исчезло и не изменилось ни на йоту.

Перед ним был убитый жесточайшим образом Пушкин.

Лежал он на полу в самой обычной квартире, в кадр попал угол кровати, тумбочка и телевизор «Панасоник» на ней. Это выглядело нелепо, точно сновидение обкурившегося наркомана.

Рядом с телом валялся нож – длинный, иззубренный, по рукоять в крови.

– Невозможно, – повторил Игорь. – Может быть, я тогда попал в аварию, угодил в кому и вижу всякую ерунду?

Предположение казалось бредовым.

Но не более бредовым, чем тот факт, что бородатый сфотографировал труп человека, настолько похожего на Пушкина. Или специально загримированного, с нацепленным на голову париком.

Игорь ощутил, что хочет выпить еще, но решил, что пока хватит. Подумал, что надо бы оказать раненому хоть какую-то помощь, но единственное, что он умел делать, – искусственное дыхание, а тут оно вряд ли пригодится. Поэтому он оставил бородача в покое, положил фотоаппарат рядом с ним и отправился переодеваться.

Избавившись от окровавленного костюма и умывшись, почувствовал себя лучше. А когда вернулся из ванной в комнату, обнаружил, что незванный гость пришел в себя и даже пытается встать.

Лицо у него оставалось бледным, но движения выглядели уверенными.

– Эй, вы куда? – спросил Игорь. – Это... может быть, все-таки вызвать врача?.. Я вас ударил машиной, и рана...

– Ничего, я оклемаюсь, – отозвался бородач.

Он сел, осторожно ощупал бок. Когда расстегнул рубашку, Игорь затаил дыхание. Но под ней обнаружился покрытый запекшейся кровью шрам, довольно старый на вид, словно появился не сегодня, а неделю или две назад. Но если это так, то откуда взялась свежая кровь?

– Кто вы такой? И что это значит? – поинтересовался Игорь, на всякий случай делая шаг назад.

Незнакомец вызывал тревогу, хотя не имел при себе оружия, был ранен и не казался агрессивным. Так внушает опаску большой хищник – идеальная машина для убийства, пусть даже мирно дремлющий на травке.

– Это означает, что ты, парень, спас мне жизнь. Чрево неба, здорово они меня зацепили. Где здесь туалет?

В этот момент взгляд его упал на фотоаппарат, и глаза цвета грозового неба блеснули.

– А ну-ка, скажи, ты смотрел кадры?

– Знаете ли, я в своем доме и могу делать все, что захочу... – забормотал Игорь, а потом отвел взгляд. – Да... Что это такое?

– Меня зовут Олег. Сейчас я умоюсь, а потом объясню тебе кое-что, – тяжело проговорил бородач.

– Э... да, конечно.

Раненый, что еще полчаса назад не мог передвигаться без посторонней помощи, встал с дивана сам. Игорь проводил его до ванной комнаты и выдал гостевое полотенце. Олег кивнул и стащил рубашку, обнажив мускулистое, поджарое тело без единой капли жира.

По-быстрому смыл кровь, прополоскал рубашку под струей холодной воды из-под крана.

– Вот так гораздо лучше. Теперь я, пожалуй, смогу спокойно уйти, – проговорил Олег негромко.

– Эй, а ответы на вопросы?

Смешанное со страхом любопытство кипело внутри Игоря, точно суп в кастрюле. Он понимал, что влип в очень неприятную историю, хотел как можно быстрее забыть о ней и в то же время узнать: что именно тут произошло, кого он подобрал на пустынной улице?

Олег задумчиво посмотрел на хозяина квартиры.

– Ты хочешь ответов, парень? Боюсь, что они покажутся тебе слишком невероятными, а я – сумасшедшим. Так что удовлетворишься благодарностью за спасение. За мной гнались, и, если бы не ты, я, скорее всего, был бы уже мертв.

– Это мафия? Или еще кто-то?

Олег натянул рубашку, не обращая внимания на то, что она сырая, одну за другой застегнул пуговицы. Аккуратно засунул фотоаппарат в задний карман джинсов и серьезно сказал:

– Враги.

– А они меня не найдут? – спросил Игорь.

– Могут, хотя я надеюсь, что этого не случится. Ты им не нужен, только я. Но если начнет происходить что-то странное – обязательно позвони мне. Ты можешь влипнуть в очень серьезные неприятности.

Олег вытащил бумажник, а из него – визитную карточку, светло-серую и очень странную на вид. На ней не было ни адреса, ни должности, ни даже фамилии, только имя и номер телефона.

– Держи, – проговорил он.

Игорь взял визитку, некоторое время помялся, а затем отважился спросить:

– А те фотографии? Кто на них?

На лице Олега мелькнула тень недовольства.

– Зря ты их посмотрел, – сказал он. – Постарайся забыть и о них, и обо мне тоже, обо всей этой истории. Если кто-то будет расспрашивать – расскажи все подробно, мне ты этим не навредишь, а себя от пыток избавишь. Но если начнется что-то необычное – тогда звони. Понял?

– Конечно. Но, знаете ли, это странно...

Олег не стал его слушать. Открыл дверь и вышел наружу. Клацнул замок холла, загудел вызванный лифт.

– Я сошел с ума? – спросил Игорь и еще раз посмотрел на прямоугольник светло-серой бумаги.

«Олег» и ниже – номер из одиннадцати цифр. Все.

Возникло желание позвонить жене и попытаться объясниться, но он глянул на часы и обнаружил, что время подходит к одиннадцати. Скорее всего, поздно. Да и сейчас он и в самом деле пьян.

Игорь вернулся в гостиную, глянул на покрывало на диване, на котором остались бурые неровные пятна. Завтра предстоит не поездка на дачу, а серьезное разбирательство с женой.

Вообразил сердитое лицо Кати, и рука сама потянулась за коньяком.

После третьей порции «Каспия» сонливость навалилась с непреодолимой силой. Игорь еле добрал до спальни, брякнулся прямо на одеяло и заснул, едва ощутив щекой прохладу подушки.

...перед ним была река, широкая и полноводная. Дальний берег терялся в тумане, зато ближний виднелся в подробностях: откос, торчавшие из него корни, деревья и частокол наверху. Волны плескали, но пробивался через них еще один плеск, куда более громкий и равномерный.

Игоря развернуло, будто кто-то исполинский взял его, как игрушку, и повернул.

Стали видны шедшие вверх по течению корабли – узкие, с высокими бортами и драконьими головами на носах. Они напоминали бегущих по воде многоножек, а весла – шевелившиеся лапки.

Гребцы на палубе сидели мощные, лохматые. Тут были совсем молодые парни и пожилые, покрытые шрамами ветераны. Блестели под утренним солнцем мускулистые, голые по пояс тела.

На кормовом возвышении первого судна, около рулевого весла, стоял высокий мужчина в кольчуге. На поясе его висел меч, ветер трепал длинные, падавшие на плечи кудри.

Вглядевшись в него, Игорь испытал смутное удивление: это же Олег, вот только когда он успел отрастить волосы? Но потом изумление ушло, сменилось уверенностью, что так все и должно быть.

– Готовимся к высадке, – приказал Олег, и Игорь понял его, хотя и осознал, что слышит вовсе не слова русского языка.

Корабли проплыли мимо, направляясь к берегу, и Игоря потащило за ними, точно воздушный шар на веревочке. Он увидел, как гребцы лезут в сундуки, на которых сидят, как достают мечи, топоры и копья. Заблестели щиты, белые и пурпурные, украшенные оскаленными рожами то ли богов, то ли демонов, округлые шлемы, зазвенели короткие кольчуги.

А потом нос первого корабля уткнулся в землю.

– За мной! – сказал Олег, и они полезли на берег, косматые и страшные.

Игоря подняло, и он увидел, что именно прячется за частоколом. Прямые улицы, крытые соломой бревенчатые дома, дымки над ними. Деревянные идола капища, громадные, блестящие от застывшей крови и жира, и за отдельной оградой – большой терем.

Закричал дозорный на одной из башен, и городок охватила суматоха. Побежали мужчины с топорами, завизжали женщины, заголосили дети. Из дверей терема выбежали десятка два воинов в кольчугах.

Те, кто пришел с Олегом, действовали быстро и слаженно.

Полетели веревки с петлями, лестницы с крюками. Самые шустрые из нападавших перевалили через частокол, и закипел бой. Засверкали, зазвенели клинки, брызнула первая кровь.

Чужаки не стали тратить время на грабеж. Ворвавшись внутрь городка, они смяли защитников и двинулись к терему. Тут их встретили уже не горожане, вооруженные чем попало, а такие же воины. Но продержались они недолго, ровно до того момента, пока их предводитель – полный голубоглазый мужик в серебряном шлеме – не свалился на землю, пав от руки Олега.

После этого уцелевшие начали бросать оружие.

– Все, хватит, во имя Одина! – бросил Олег, поднимая руку.

Его бойцы остановились, потные и злые, покрытые грязью и кровью, и трижды прозвучал полный торжества вопль:

– Перуну – слава! Перуну – слава! Перуну – слава!

А потом Олег поднял глаза и посмотрел прямо на Игоря. Тот удивился – неужели его видно? – но и это удивление вышло слабенькое, будто ненастоящее. С этого момента видение начало плыть, размываться, терять четкость. По картинке пошла рябь, а звуки стали размываться.

– Здесь, – сказал Олег, и это слово Игорь разобрал, но потом случился провал, – ... мать...

Сверкнули темно-синие глаза, а потом все завертелось в разноцветном водовороте. Накатил шум, разбился на тысячи всхлипов, стонов и вскриков, и Игорь проснулся в своей кровати. Осознал, что хочет в туалет, что ноет затекшая шея, а в окно льется робкий свет раннего утра.

С трудом повернул голову и вздохнул, обнаружив, что место жены пустует.

Нет, не сном был вчерашний бородач, упавший под колеса «Тойоты», его странное поведение и цифровик с фотографиями мертвого Пушкина...

При воспоминании о них Игоря продрало морозцем.

Поднявшись, он затопал в ванную. Глянув в зеркало, обнаружил, что отлежал щеку и на ней имеется красная полоса. А когда пустил струю, долгую, точно зимняя ночь, начал вспоминать видение: реку, корабли, городок, взятый штурмом, Олега с длинным мечом в руке, капающую наземь кровь...

Хотя после доброй порции коньяка и не такое пригрезится.

Закончив дела, вернулся в спальню и плюхнулся на кровать, на этот раз забравшись под одеяло. Спать больше не хотелось, и он принялся размышлять, что нужно сегодня сделать: позвонить жене, может быть, купить цветов, как следует осмотреть машину – не осталось ли где пятен крови...

А потом, самое позднее к сегодняшнему вечеру, все вернется на круги своя. Если они никуда не поедут, можно будет сходить куда-нибудь, в кино или в кафе, погулять по набережной.

Резкий писк, раздавшийся в прихожей, заставил Игоря вздрогнуть.

Едва опознал голос брелока автосигнализации, как новый звук донесся из-за окна – рев сирены.

– Это еще что такое?!

Игорь вскочил с кровати, точно подброшенный пружиной. Подлетел к окну и выглянул во двор. Обнаружил, что четверо крепких парней молотят битами его родную «Тойоту»! Действовали они спокойно и уверенно, будто выполняли важную и нужную работу. Кузов трещал, по темно-синей поверхности бежали трещины, на месте лобового стекла зиял черный провал.

– Это... как же так? За что? – пролепетал Игорь.

Ноги его словно примерзли к полу, в животе появился холодный тяжелый ком. Преодолев оцепенение, бросился в прихожую, к телефону. Схватил черную трубку и с ужасом обнаружил, что она молчит. Потряс ее, нажал пару кнопок, но это ничего не изменило.

Аппарат был мертв.

– А, черт! – заорал Игорь и метнулся обратно в спальню, где оставил сотовый. Схватил его, едва не выронив, и набрал ноль два.

Сигнализация продолжала орать, доносился звон и глухие удары. Пиликал брелок.

Вызов пошел, но на первом же гудке оборвался, точно его обрезали. Игорь выругался, попробовал еще раз, но в трубке снова воцарилась мертвая тишина. На мгновение возникло желание ринуться к двери, спуститься на первый этаж. Но его погасила здравая мысль: и что ты в одиночку сделаешь против четырех амбалов с бейсбольными битами?

– Что же делать?! Что? – Игорь заметался по квартире, словно птица по клетке. Принялся нервно кусать пальцы.

Потом взгляд его упал на светло-серый прямоугольник, оставленный лежать на тумбочке у кровати. Вспомнился глухой, уверенный голос, сказавший: «Если начнется что-то необычное – звони».

– Нет, не могу... – Игорь на мгновение замялся, а потом решительно схватил визитку. – Эх, ладно...

Несмотря на ранний час, ответили сразу.

– Да? – спросил Олег.

– Это я, Игорь, тут мою машину уродуют! Мужики какие-то! Что это такое? Почему? Это из-за тебя?

– Спокойно, не паникуй, – голос Олега даже не дрогнул. – Значит, они добрались до тебя. Скоро доберутся и до квартиры. Поэтому немедленно уходи. Только не через свой подъезд.

Игорь опешил.

– А как? Через окно?

– Через самый дальний от себя подъезд. В вашем доме через технический этаж можно подняться на крышу. По ней доберешься до нужного подъезда. Спускаешься и чешешь к метро. Ты...

– А как мне...

– Не перебивай. Встречаемся через полчаса у выхода с «Таганской»-кольцевой. Понял?

– Да, но...

– Тогда до встречи. И не медли, – тут Олег положил трубку.

– Что же это творится? За что мне такое, а? – запричитал Игорь. – Твою мать, чтобы вас всех разорвало!

Кого он имел в виду, сам толком не знал. То ли вандалов, что любят уродовать чужие автомобили, то ли странного типа, что падает под колеса и тем самым портит приличным людям жизнь.

Выругавшись еще раз, принялся одеваться. Натянул джинсы, вытащил из шкафа небольшую спортивную сумку. Бросил туда все, что выгреб из дипломата: паспорт, визитницу, права, кошелек. Подумал, не взять ли спрятанную в нише за ложной розеткой записку. Но представил, как типы с битами поднимаются на лифте, идут к его квартире, и облился холодным потом.

Сигнализация за окном тем временем смолкла. «Тойота» превратилась в груды лома.

Спотыкаясь и дрожа, Игорь натянул кроссовки и распахнул дверь. Когда выскочил на лифтовую площадку, услышал, как загудел начавший подниматься лифт. Пискнув, как испуганная мышь, бросился дальше, к лестнице. Вихрем помчался вверх, споткнулся и едва не расквасил нос о ступеньки.

Закрывавшую выход на технический этаж решетку кто-то раскурочил, и Игорь окунулся в пыльную полутьму. На ощупь нашел железную лестницу, двинулся по ней дальше, к крыше.

Чем именно испачканы холодные и липкие ступеньки, старался не думать.

Толкнул дверь, и та неожиданно легко подалась. По глазам ударил яркий свет, потекли слезы. Вытерев их, Игорь выбрался на крышу, осторожно, чтобы не гроыхнуть, прикрыл дверь.

Москва купалась в молочной дымке, из нее торчали отдельные здания. Высилась громада университета, в другой стороне поднимался небоскреб «Сбербанка». Вились над ним вороны.

– Как тут высоко... – пробормотал Игорь и побежал по крыше в ту сторону, где виднелся вход в соседний подъезд.

Дом, где Ветров прожил последние десять лет, напоминал букву «П» с очень короткими ножками. Его подъезд находился у правого края длинной перекладины, а крайний – в левой ножке.

Пришлось одолеть примерно с сотню метров. Вновь спустился на чердак, а через него пробрался в подъезд. Тут осмотрел себя, отряхнул с джинсов пыль и вызвал лифт. Во двор выглянул с опаской, но обнаружил, что около того места, где стояла «Тойота», никого нет. Захотелось пойти туда, посмотреть, что осталось от машины, но Игорь отогнал это желание.

Глубоко вздохнул и со скучающим видом двинулся прочь.

Дом выглядел мертвым, точно и не было только что бешеного грохота. Москвичи, повинаясь инстинкту выживания в большом городе, даже если и не спали, делали вид, что ничего не видели и не слышали.

– Вот засранцы, – пробормотал Игорь. – Могли бы хоть милицию вызвать. У них бы это наверняка получилось...

В этом он не сомневался. Загадочные враги Олега явно были причастны к тому, что умер телефон в квартире и что сотовый начал давать сбой. Но не могли же они заглушить все аппараты в огромном доме?

Игорь пересек Шверника и по Гримау двинулся в сторону метро.

Время едва перевалило за семь, и улицы были пустынные – ни машин, ни людей. За время пути до «Академической» встретил только бомжа. Тот, шатаясь и напевая что-то воинственное себе под нос, волочил здоровенный баул, что позвякивал и погромыхивал при каждом шаге.

Перед тем как спуститься в метро, Игорь оглянулся и, к собственному облегчению, никого не увидел.

– Может быть, это мне лишь показалось? – спросил он. – По-моему, бородатый придумал все...

Но все равно купил карточку на пять поездок и прошел на турникет. Спустился на платформу, где в компании сонной девицы и бодрого старичка в коричневом, совсем не летнем плаще принялся ждать поезда.

Когда вошел в вагон, подозрения только усилились: почему он так легко поверил Олегу? Может быть, машину расколотили самые обычные хулиганы? Нужно вернуться домой, позвонить в милицию – пусть даже с десятого раза, но это должно получиться! – и все будет нормально.

Банк выплатит страховку, они с Катей помирятся...

– Да, – сказал Игорь и облизал пересохшие губы. – Так и будет. Сейчас я выйду наверх. Немного погуляю. А затем вернусь домой и забуду про этого бородатого типа. Все это ерунда!

Сидевший напротив старик в коричневом плаще поглядел на него подозрительно, даже пожевал бледными губами. Игорь сообразил, что разговаривал слишком громко, и поспешно вскочил, прошел к двери. Уши у него загорелись, спиной ощутил любопытный взгляд старика.

Поезд остановился, и Игорь, не глядя, какая это станция, вышел на перрон.

Оказалось, что очутился на «Октябрьской».

Прошел к эскалатору, по его длинной шуршащей ленте поднялся наверх. Через совершенно пустой вестибюль вышел из станции, прищурился, когда в глаза ударило яркое утреннее солнце.

Игорь обратил внимание, что улица необычно тиха и пустынна, только дворник гоняет метлой мусор по тротуару. Напротив, через дорогу, виднелась вывеска кофейни «Шоколадница».

– Чашка кофе – это то, что нужно, чтобы взбодрить мозги, – пробормотал Игорь и зашагал к переходу.

Едва вступил на «зебру», краем глаза заметил движение. Инстинктивно дернулся назад и только в этот момент услышал бешеный рев двигателя. Мотоцикл пронесся в считанных сантиметрах. Ударил волна горячего воздуха, мелькнул блик на округлом черном шлеме.

Среагируй Игорь мгновением позже, лежал бы сейчас на асфальте с разбитой головой и сломанным позвоночником.

– Как же так... – пролепетал он, – это... откуда он тут взялся? Только что никого...

Рев мотора затих, мотоцикл исчез, будто его не было. Зато вернулся страх, тот же самый, что одолел Игоря в собственной квартире, удушающий ужас того, что ты стоишь на самой грани смертельной опасности и не можешь сделать ничего, чтобы ее избежать.

Игорь развернулся и побежал ко входу в метро.

Спустя три минуты он был на перроне, а еще через пятнадцать – на «Таганской»-кольцевой.

Выскочив на поверхность, буквально наткнулся на Олега. Тот остался в тех же джинсах, только синюю рубашку сменил на зеленовато-желтую да обзавелся небольшой сумкой через плечо вроде тех, что носят студенты. Игорь с удивлением обнаружил, что, хотя бородач остался в памяти очень высоким, на самом деле они почти одного роста – около метра восьмидесяти.

– Ты опоздал, – сказал Олег.

– Что? Меня пытались убить! Чуть не задавили! – рявкнул Игорь. – И все по твоей вине!

– Во-первых, не ори. Во-вторых, клянусь чревом неба, моей вины тут нет. Понял?

– Ну да, конечно. Так я тебе и поверил.

Игорь в испуге огляделся, проверяя, не слышал ли кто его крика. Неподалеку двое парней покупали пиво в круглосуточном ларьке, по Таганской площади неторопливо катил троллейбус.

– Пошли. Нам нужно спокойно поговорить, – сказал Олег.

Он развернулся и зашагал прочь от метро. Игорь потащился следом, то и дело оглядываясь. Страх в его душе не исчез, только спрятал когти, затаился до поры до времени.

Они перешли улицу и через полсотни метров шагнули в стеклянную дверь. Игорь уловил запахи кофе и сдобы, увидел столики, круглые и квадратные, плетеные стулья и диваны, длинную стойку, за которой сустились двое чернявых и носатых парней. Навстречу двинулась девушка в коричневом фартуке.

– Доброе утро, заходите, пожалуйста, – затараторила она. – Вон там места для курящих, вон там для некурящих.

– Мы сядем здесь, – прервал ее Олег.

В кофейне, несмотря на ранний час, были посетители. Курила длинную сигарету томная дама в черной шляпке, тыкал пальцами в клавиатуру ноутбука молодой человек в дорогом костюме.

Олег и Игорь сели за столик сбоку от стойки. Олег заказал латте и круассан с семгой, а Игорь – черный кофе без сахара и порцию блинов с картошкой и грибами. Принявшая заказ девушка тряхнула челкой и убежала.

– Перестань трястись, – заметил Олег. – Рядом со мной тебе ничего не грозит. Будь спокоен.

Манерой говорить и вести себя он напоминал одноклассника Игоря, Вовочку по прозвищу Танк. Тот тоже был всегда уверен в себе и совершенно ничего не боялся. Но если там все объяснялось большими размерами, силой и отсутствием воображения, тут ситуация выглядела иначе.

Олег был крупным и мускулистым, но при этом чувствовалось, что его уверенность основана на чем-то ином.

– Кто ты такой? – спросил Игорь.

– Сложно объяснить.

Игорь хмыкнул, нервно сжал руки в кулаки и тихо, но внушительно ударил ими по столу.

– А ты попробуй! Ведь благодаря тебе моя жизнь, такая спокойная и упорядоченная, со вчерашнего вечера превратилась в сумасшедший дом. Моя машина уничтожена, жена ушла, и неизвестно что стало с квартирой...

Он говорил, все больше распаляясь, тяжело дыша и глядя на собеседника почти с ненавистью. Все казалось в нем мерзким: и борода, и прямой нос, и синие глаза, и даже манера сидеть.

– Тихо, – бросил Олег. – Если ты будешь кричать, то я не смогу ничего рассказать. Прах и пепел, почему вы такие нервные?

– Легко быть спокойным, когда понимаешь, что происходит!

Подошла девушка с подносом, и Игорь замолчал. Пока ел блины, что оказались вкусными и сытными, немного успокоился. А вот кофе ему не понравился, был в нем какой-то неприятный привкус.

Олег допил латте, доел круассан и аккуратно вытер губы салфеткой.

– Теперь можно поговорить, – сказал он. – Случилось так, что ты угодил между двумя мельничными жерновами. Один – это я и мои сородичи. Другой – те, кто служит злу.

– Так уж и злу? – Игорь прищурился. – Темный властелин и все такое? Ты что, фантастики перечитал? Может быть, ты и те, кого ты называешь врагами, просто не поделили деньги? Мафия, откаты, ну, и прочее...

Олег тяжело вздохнул и устало поглядел на собеседника.

– Подумай сам. Если бы ты столкнулся с мафией, стали бы ее посланцы уродовать твою машину? Они поднялись бы в квартиру и пристрелили бы тебя. Чисто и быстро, пух-пух, и все.

Игорь открыл рот и закрыл его, понимая, что сказать нечего. Сегодня он просто не успел до конца осознать иррациональность происходящего, а сейчас она предстала перед ним во всей красе.

– Они на самом деле служат злу. Те, кто крушил твою машину. Те, кто пытался убить меня вчера, кто убил того, кого ты видел на фотографии. Вот только у этого зла нет средоточия – масонов или сионистов, черного мага или президента США. Не существует Темного замка, что нужно разрушить, нет иглы в яйце, сломав которую ты лишишь зло силы. Зло обитает в сердцах людей, самых обычных, и только когда его становится слишком много,

человек перестает быть человеком. Делается марионеткой своего зла и того большого зла, что состоит из тысяч маленьких.

– Ага. А ты, значит, посланец добра? Светлый ангел? – Игорь искал в душе остатки скепсиса и не находил.

Он не особенно верил, что стал участником какого-то глобального противостояния. Добро и Зло, великая битва за Судьбы Земли, Избранный, что в одиночку бьется с Ордами Тьмы...

Но в то же время никак не мог объяснить события последних суток рационально.

Олег поморщился, задумчиво почесал в затылке, огладил бороду.

– Слово «добро» тут тоже не очень подходит, – заметил он. – Как и «зло». На самом деле все много проще и в то же время сложнее. Всегда есть те, кому в радость разрушать и кто, сам того не ведая, становится куклой, марионеткой собственных пристрастий. И есть такие, как я, и мы именуем себя синклитом. Пока он существует, наша страна, Россия, будет жить. Но стоит синклиту рухнуть, ей не устоять.

– По-моему, это первостатейный бред, а тебе место на Канатчиковой даче. Ну а эти, марионетки... это они пытались убить тебя и прирезали того... ну, этого... – Игорь так и не смог произнести фамилии Пушкина. Уцепился за последние остатки здравого смысла, упорно твердившего, что Александр Сергеевич давно мертв.

– Именно так.

– А я им зачем?

Олег улыбнулся, блеснули зубы, белые и острые, до жути похожие на клыки хищника.

– Ты попал в их поле зрения. Ты помог мне, помог их врагам – и сам стал одним из этих врагов.

– Нет, я не верю в это... – голос Игоря дрогнул, как всегда в моменты волнения, стало трудно говорить. – Я не хочу верить! Это слишком странно... Слуги зла, синклит, как такое возможно?

– И не только возможно, а необходимо. Синклит есть в любой большой, духовно богатой стране. И борьба эта идет по всему миру, длится тысячелетиями. Иногда зло отступает, а порой становится сильнее, как сейчас в России, и тогда рабов у него очень много.

– Я не верю! – упрямо повторил Игорь.

– На здоровье, дело твое. Главное – пойми, что тебе грозит опасность... – Олег замолчал и обернулся.

Дверь кофейни открылась, звякнул закрепленный над ней колокольчик. Внутри один за другим вошли пятеро мускулистых парней в черных майках и камуфляжных штанах, с битами в руках и голыми черепами. Блеснули пряжки ремней со свастиками, цепочки на мощных шеях.

Навстречу парням двинулась девушка-официантка.

– Доброе утро, заходите, пожалуйста... – дрожащим голосом начала она.

– Отойди, сука, – сказал один из парней в черном. – И как тебе не стыдно работать на черножопых?

Взлетела бита, с грохотом ударилась о столешницу. Девушка завизжала, двое лысых бросились к стойке.

– Россия для русских! – заорал один из тех, что остался у дверей. Лицо его исказила злобная ухмылка.

Игорь заledenел от ужаса. Пришла мысль, что это те же самые типы, что били с утра его машину, что они явились за ним. Что сейчас одна из тяжелых бит разобьет ему череп...

– Вставай, пошли! – скомандовал Олег резко, бросил Игорю свою сумку. Тот поймал ее и вскочил.

Лысые колотили битами по столам, крушили стулья. Двое выволакивали из-за стойки носатого и чернявого работника кофейни, губы того были разбиты, с них текла кровь. Официантка визжала, не переставая, дама в шляпке лежала в обмороке. Парень с ноутбуком казался бледным настолько, словно решил стать привидением и удрать через стену.

Стоило Олегу и Игорю двинуться к двери, как наперерез шагнул один из лысых.

– Куда? – рявкнул он. – Сидеть, суки! Пока я не прикажу, чтобы даже пернуть не посмели!

Игорь увидел глаза погромщика, блестящие и в то же время черные, мертвые, и его продрало морозцем до самых пят. Не может так смотреть человек, пусть даже безумный и злой...

– К выходу, – ответил Олег.

Он качнулся в одну сторону, другую. Лысый ударил, но бита только зря прорезала воздух. Замахнулся вторично, бешено зарычал, но Олег уже оказался рядом с ним. Ткнул в подмышку, и погромщик захрипел, потерял равновесие. А Игорь, наблюдая за ловкими движениями нового знакомого, вспомнил сон, где витязь в кольчуге орудовал мечом, где под его могучими ударами падали враги...

Неужели это тоже был Олег?

Краем глаза увидел, что к ним бежит еще один лысый, и отвлеченные мысли пришлось отставить. Сжался от страха, но схватил за спинку стул и бросил под ноги погромщику.

Тот запнулся, кубарем полетел на пол.

– Отлично! – крикнул Олег. – Давай за мной!

Он неуловимым движением обезоружил третьего лысого. Мощным толчком отправил его мордой в стену. Раздался хруст, и погромщик сполз по стене, оставляя кровавый след.

А они выскочили через дверь и очутились на улице.

Олег даже не вспотел, выглядел спокойным, точно удав. Игоря трясло и колотило, будто пьяницу ранним утром. Драться он даже в детстве не любил, а кулаки в ход пускал последний раз еще в университете, на втором курсе, после дискотеки. Тогда сцепились из-за девчонки, а результатом стала пара синяков.

– Давай сумку, – проговорил Олег. – И пойдем в сторону метро. Держись ко мне поближе и не нервничай.

Игорь даже не успел поинтересоваться, что значит эта странная просьба, а они уже шагали. Едва перешли улицу, навстречу пробежали шестеро милиционеров с дубинками. Что самое странное – на двоих встрепанных мужиков они даже не посмотрели, словно их вовсе не было.

Открылся вход на станцию, козырек, мощные квадратные колонны цвета серого песка.

– Так-то лучше, – сказал Олег, останавливаясь. – Ну что, решай, что будешь делать. Или ты полностью доверяешь мне, или пытаешься выкручиваться сам.

Игорь сглотнул, облизал пересохшие губы.

– А эти... они за мной приходили? – спросил он.

– Ты видел их глаза? Да, не думай, что злу служат только бритоголовые фашисты. Они есть везде: и среди любителей общечеловеческих ценностей, и в милиции, и в Госдуме, даже среди священников.

– Ну как же так... за что мне это? – простонал Игорь.

Таким растерянным он не чувствовал себя очень давно. Многие годы все у него шло спокойно и размеренно: семья, работа, друзья, все расписано на месяцы вперед, даже неожиданности.

Теперь безопасная определенность исчезла, сменилась чем-то зыбким, как мираж в пустыне, и столь же опасным.

– Что со мной будет, если я пойду с тобой? – спросил Игорь. – Я же все потеряю?

Олег улыбнулся холодно и зло, лицо его на мгновение стало мертвым, серым, как пластиковая маска.

– Что именно потеряешь? Твое имущество, как у любого человека, – парочка комплексов, ворох воспоминаний, большей частью постыдных, и полная коллекция иллюзий, глупых и мешающих жить. Но все это ты можешь взять с собой. Квартира? С ней ничего не будет. Работа? Найдешь новую. Могилы предков – да, это важно. Но о них те, кто охотятся за тобой и за мной, даже не вспомнят. Слуги зла не помнят собственных корней и не думают, что кто-то может помнить свои.

Игорь встрепнулся, спросил подозрительно:

– А откуда ты знаешь, что мои родители мертвы?

– Ты ни разу их не упомянул. Хотя о жене вспоминал постоянно.

Игорь со стыдом подумал, что давно не был на Митинском кладбище, где находятся рядом две могилы. Отца, умершего пять лет назад от рака, и матери, что пережила его всего на полгода.

– На самом деле нужно просто выждать, когда их интерес к тебе спадет, – сказал Олег, – но я могу помочь тебе спрятаться так, что никто не найдет. Дома тебя достанут очень быстро, на работе – тоже.

Игорю захотелось заорать во всю глотку, жалуясь на несправедливость, но он только судорожно вздохнул.

– Бросить все... – пробормотал негромко. – Но что будет с Катей? Как бы передать ей весточку... Может, позвонить?

– Пока не стоит. Потом найдем способ с ней связаться. Ну как, ты со мной?

Глаза Олега требовательно сверкнули, на лице отразилось напряженное внимание, словно от ответа зависела его собственная жизнь.

– Знаешь ли... – Игорь замялся, думая о том, чего он лишится, дав согласие. Но мысль о том, что сохранит жизнь, перевесила остальные. – Да, конечно, я согласен. А что, есть выбор?

– Выбор есть всегда, – ответил Олег. – А теперь скажи вслух, что ты идешь со мной по доброй воле, и пожми мне руку.

– Зачем этот фарс?

– Поверь мне, он нужен. Ну?

Игорь поморщился, но протянутую руку пожал и сказал, что да, идет за Олегом по доброй воле.

Они не стали спускаться в метро, а двинулись к пешеходному переходу. Когда оказались на Таганской улице, где движение было довольно оживленным, Олег встал на обочине и поднял руку.

– Для начала нам нужно тебя спрятать, – сказал он. – А завтра мы покинем Москву, чтобы сбить преследователей со следа.

– Да, хорошо.

Игорь не чувствовал страха или еще чего-то, только отупляющее равнодушие. Его жизнь рушилась, а он не мог ничего поделать, только следовать за событиями и надеяться, что они не раздавят его.

Остановился бежевый, битый жизнью «жигуленок». Олег открыл дверцу, стал виден водитель – носатый, белозубый и кудрявый, типичный «гость столицы» родом с Кавказа.

«Шахид-такси», – подумал Игорь. – Вот уж этот тип точно служит злу».

Но глаза у кавказца оказались живые и очень веселые. Выслушав адрес, он кивнул и сказал:

– Залезай, дорогой. Мигом доедем.

Олег плюхнулся на переднее сиденье, Игорь – на заднее, и они поехали. Негромко играло радио, сначала «Битлы» орали о том, что им нужна помощь, потом Милен Фармер голосила что-то мелодичное. Игорь тупо смотрел в окно, не особенно вдумываясь, куда они направляются.

На шоссе Энтузиастов постояли в пробке, затем выбрались на МКАД.

А потом Игорь задремал. Очнувшись, обнаружил, что «шахид-такси» стоит, а Олег плачется. Выбравшись из «жигуленка», увидел широкую, засаженную тополями улицу, кирпичные дома в семь или восемь этажей. На одном из них прочитал название: «Байкальская».

– Вот мы и приехали, – сказал Олег. – У меня тебя сам дьявол не найдет, если он, конечно, существует.

Прошли к ближайшему дому. За обшарпанной дверью подъезда встретили грязные ступени, запах кошек и кислой капусты. Игорь даже вяло изумился: его новый знакомый живет здесь?

Клацнул замок, и они вошли в полутемную, очень маленькую прихожую.

– Мурр, – сказали из глубины квартиры, и навстречу вышел самый большой кот, какого Игорь видел в жизни.

Он был не просто толстый, а громадный. На голове размером с пивную кружку желтым светились глаза, мохнатый хвост стоял трубой.

– Привет, Саныч, – сказал Олег и зажег свет.

Стало видно, что кот пепельно-серый, что одно ухо у него надорвано, а взгляд – оценивающий, очень разумный. Игорю стало неуютно, словно влез в чужой сад нарвать яблок и столкнулся с хозяином.

Олег указал на Игоря и проговорил:

– Саныч, это наш гость. Я оставляю его на тебя до вечера. Приглядишь?

– Мурр, – с королевским достоинством ответил кот и неспешно удалился.

– А ну-ка, пойдем, я покажу тебе квартиру, – пригласил Олег. – Сам уеду до вечера. Но ты тут, я думаю, не заскучаешь и от голода не умрешь.

– Наверное, – отозвался Игорь.

Когда прошли в комнату, у него безобразным образом отвисла челюсть.

Если прихожая выглядела еще более-менее по-человечески, то тут все было очень странным. Плотные шторы почти не пропускали свет. Широкая тахта, над ней на ковре – ножи всех форм и размеров. Книжный шкаф, громадный, точно динозавр, а рядом с ним – стойка с мечами, блестели в полумраке острые лезвия. В углу лежала настоящая булава, словно лыжные палки, стояли копья.

Пахло сладким и пряным, как в кондитерском магазине.

– Не пугайся, – сказал Олег. – На жизнь я зарабатываю тем, что торгую старинным оружием. Понял?

Игорь судорожно кивнул.

Прошли на кухню, где обнаружился большой холодильник, микроволновка и даже стиральная машина.

– Еды тут полно. Саныч позаботился, – Олег распахнул дверцу холодильника, показал на заваленные снедью полки. – Книжки бери любые, клинки не трогай. Еще порежешься. Да, и не вздумай звонить. Ты здесь в полной безопасности до тех пор, пока сам не вылезешь. Понял?

– Конечно.

– Вот и отлично, а я поехал.

Они вернулись в комнату. Олег снял со стены один из коротких клинков, прямой, с блестящими камушками на рукояти. Аккуратно спрятал его в кожаный чехол, а затем и в сумку. Клацнула, закрывшись, входная дверь, и Игорь остался в квартире один.

– Мурр, – сказали за спиной так громко, что он невольно вздрогнул. Развернулся и обнаружил кота сидящим на подоконнике. Откуда он взялся – оставалось непонятным, еще мгновение назад там никого не было.

– Вот напугал, рожа мохнатая, – пробормотал Игорь и пошел на кухню.

Вчера на ужин у него был только коньяк, блины из кофейни давно растворились в желудке, так что есть хотелось сильно. Пока варил пельмени, готовил бутерброды и ел, кот все время толкался рядом, но не попрошайничал. Двигался совершенно бесшумно, так что Игорь всякий раз вздрагивал, обнаруживая, что серый зверюга сидит на столе, на табуретке или влез на холодильник...

Когда помыл посуду, кот исчез.

Не обнаружилось его и в комнате. Игорь подошел к книжному шкафу, принялся читать названия: «История холодного оружия», «Археологические культуры Западной Европы», «Холодное оружие в собрании российского этнографического музея», «Deutsche Seitengewehre und Bajonette. 1740–1945».

Похоже, насчет профессии Олег не соврал.

Осмотрел мечи в стойке. Тут были самые разные клинки – прямые и изогнутые, широкие и узкие, длинные и короткие. Но все они выглядели новыми, отполированными и заточенными.

Дотронувшись до одного, Игорь порезал палец и сунул его в рот.

– Мурр, – сказали сверху.

– А... – Игорь поднял голову и обнаружил, что котище неодобрительно смотрит на него со шкафа.

И вновь испытал то же ощущение неловкости, что и в прихожей.

Поспешно вытащил из шкафа первую попавшуюся книгу и улегся на тахту. Текст оказался посвящен испанской школе фехтования, рапирам и шпагам из этой страны и был обильно украшен иллюстрациями.

Игорь переворачивал страницы, разглядывал вычурные позы и геометрические фигуры. Любовался рукоятями клинков, больше похожими на стальные цветки. Мерно тикали часы на стене, еле слышно гудел на кухне холодильник, через окошко доносился приглушенный шум машин. Кот появлялся и исчезал, слонялся по комнате.

В один момент Игорь осознал, что буквы плывут перед глазами и он засыпает. Попытался бороться с дремой, захотел поднять руки, потереть лицо, помассировать уши. Но конечности странным образом не послушались.

А потом он словно провалился в мягкий серый водоворот.

...вокруг была тьма, плотная и колючая, точно старая вата. Она мешала двигаться, но это почему-то не причиняло дискомфорта. Казалось приятным висеть неподвижно и ощущать, что тебя поддерживают со всех сторон.

И что-то шептало из нее прямо в уши, что дальше будет лучше, много лучше...

Сколько прошло времени, Игорь понять не мог. Может быть, час, может быть, несколько секунд...

Затем услышал равномерное гроыхание, похожее на рокот громадных барабанов. Он зачаровывал, звал за собой и манил. Обнаружил, что стоит на Красной площади, что впереди Мавзолей и Спасская башня, а из брусчатки медленно поднимаются громадные полупрозрачные фигуры.

Игорь повернул голову, чтобы разглядеть одну из них. Перед глазами закружилось, точно угодил в трехмерный калейдоскоп. Рокот сменился низкими и громкими голосами.

Они по очереди произносили неразборчивые фразы, и каждая переносила Игоря в новое место: вот он посреди густого леса, около деревушки из нескольких домов... вот в самом сердце лютой сечи, лязгает железо, орут люди, слышен хруст костей... вот внутри большой церкви... вот в просторном, хорошо освещенном зале, где за длинным столом сидят люди в сюртуках...

В голосах появилась настойчивость, а в ушах – тупое давление, переросшее в боль. Игорь задержался, стараясь выбраться из жуткого сна, но тело не послушалось. Ощутил, как его тянут за нос, волокут куда-то вверх, и открыл глаза.

Игорь лежал на тахте, а на груди у него стоял кот, вцепившись зубами человеку в кончик носа. Канареечные глаза, полные ярости, были в нескольких сантиметрах от лица Ветрова.

– Эй... ты что... – забормотал он, пытаясь замахнуться на зверя, но сумел лишь немного пошевелиться.

Тело было вялым и тяжелым, словно мешок с мокрым бельем.

Саньч отпустил нос Игоря, махнул хвостом и спрыгнул на пол. Перед глазами помутилось, кошачья фигура размазалась. На мгновение показалось – посреди комнаты стоит и язвительно ухмыляется крохотный дед, бородатый, в серой одежде и с яркими желтыми глазами.

Но видение продержалось всего мгновение. Старик исчез, остался только кот с недовольной мордой. Развернулся и пропал, точно растворился. Игорь сглотнул и тут понял, что за окном вечер, а в квартире темно.

– Сколько же я проспал? – пробормотал он.

Со второй попытки удалось сесть, на пол с шорохом съехала книга об испанской школе фехтования. Накатил страх, показалось, что темнота вокруг – живая, наполненная злобой.

Игорь вскочил, потянулся к выключателю старинного массивного торшера. Щелкнуло, и мягкий желтый свет упал на пол, блики поползли по лезвиям мечей.

– Мерещится ерунда всякая... – сказал Игорь и вытер мокрое от пота лицо. – По-моему, так с ума сходят...

Добрался до ванной, где сначала умылся, а потом принял контрастный душ. На кухне в шкафчике отыскал бумажные пакетики с чайной заваркой. Долго нюхал, пока не остановился на сборе, что понравился больше всех. А когда вскипятил чайник, пришел Олег.

– Хозяйничаешь? – поинтересовался он. – Это хорошо. Сейчас чаю попьем и будем собираться.

– Куда?

– Скоро узнаешь.

Олег заволок в комнату нечто длинное, завернутое в промасленную бумагу. Долго грохотал и шуршал чем-то, а затем появился на кухне, принес пакет шоколадного зефира. За ним, помахивая хвостом, вошел Саньч.

Неспешно пили чай, ароматный, с привкусом жимолости и земляники.

Когда закончили, Игорь рассказал про сон.

– Чрево неба, – Олег запустил пальцы в бороду, – не нравится мне этот шепот из тьмы. Похоже, что они решили, что тебя можно не только убить, но еще и купить.

– Так он говорил правду? И кто это был? Сам... главный злодей?

Олег улыбнулся, но улыбка эта вышла вовсе не веселой, а натужной и немного сердитой.

– Сложный вопрос, – сказал он. – Зло – как исполинское зеркало из миллионов маленьких черных чешуек. В каждой отражается одно лицо, а вместе они складываются в некий чудовищный лик. Вот только никто не видел его целиком. И тем не менее он способен на

некие осмысленные действия. А насчет правды... вспомни, как прозывают дьявола – Отец Лжи. Зачем что-то делать для тебя, если можно просто выманить из-под моей защиты и убить?

– Мурр, – добавил Саныч и принялся ожесточенно вылизывать переднюю лапу.

– Но я тебя не держу, – добавил Олег. – Ты волен уйти в любой момент и проверить на своей шкуре, чего стоят их обещания.

– Нет уж. Я, пожалуй, останусь. Я до конца не поверил в твои бредни насчет добра и зла, но ты хотя бы не пытался меня убить.

Пока разговаривали, за окном совсем стемнело. Олег встал из-за стола, поставил чашку в мойку.

– Тогда вставай. Пойдем собираться, – сказал он.

В комнате Игорь обнаружил валяющуюся на полу алебарду или что-то на нее похожее. Олег прошел к шкафу для одежды, незаметному рядом с книжным, принялся выдвигать и задвигать ящики.

– Вот это подойдет, держи, – проговорил он, и на тахту полетел серо-алый джемпер, за ним – сложенные по-магазинному джинсы.

Игорь поднял их, развернул. Стали видны разрезы, металлические вставки, карманы и молнии.

– Зачем это? Я такого не ношу.

– Туда, куда мы идем, пускают по одежке, – заметил Олег. – Сейчас я тебе подберу чего-нибудь из обуви.

Переодевшись и поглядев в зеркало, Игорь ощутил себя лет на пятнадцать моложе. Такие шмотки подошли бы отвязному тусовщику из «золотой молодежи», а не взрослому, солидному мужчине. Серый джемпер, разрисованный алыми росчерками и цифрами, чуть убрал объем в боках, зато подчеркнул брюшко. Блестящие и порезанные джинсы вообще налезли с трудом.

– Я такого не ношу, – повторил он.

– Ничего, сегодня придется, – ответил Олег и вручил Игорю роскошные лаковые туфли, похожие на наконечники копья.

Они оказались чуть-чуть велики.

– Готов? – спросил Олег, сам оставшийся в том же самом. – А ну-ка, отдай мне сотовый.

– Зачем?

– Опасность чуть отступит, и ты не выдержишь, позвонишь жене. Тогда нас и вычислят.

Игорь помялся, но вытащил из кармана и отдал телефон. Без него почувствовал дискомфорт. Ощутил, что лишился чего-то настолько же важного, как руки или нога, и куда более необходимого. В голову полезли тревожные мысли: а вдруг позвонит Катя, или Витька захочет выяснить, куда пропал друг...

Хотя странным выглядело уже то, что за целый день никто не позвонил, не прислал СМС.

Олег вызвал такси, и они прошли в прихожую. Только когда за спиной закрылась дверь, Игорь вспомнил, что именно показалось ему странным с самого начала: несмотря на наличие Саныча, в квартире не было ни кошачьей миски, ни туалета.

Такси, черный «Мерседес», подкатило через пять минут. Забираясь внутрь, Игорь обратил внимание на водителя. Наряженный во что-то черное и бесформенное, плечистый и сгорбленный, он мало напоминал человека. В зеркале заднего вида отражались только глаза.

– Двинулись, – скомандовал Олег, и автомобиль тронулся.

Ехали долго, куда именно – Игорь не следил. Огляделся только в тот момент, когда машина пересекла мост через Москву-реку. Свернула на набережную и остановилась перед

широкой аркой. По обе стороны от нее были припаркованы автомобили – парочка здоровенных джипов и что-то спортивное, ярко-красное.

– Приехали. Вылезаем, – сказал Олег.

О том, чтобы заплатить, он даже не подумал. Вылезли из машины и отправились к арке, из-за которой доносился грохот музыки. Когда шагнули под свод, Игорь разглядел, что впереди клубится толпа – обтянутые яркими короткими платьями девичьи спины и попки, мужчины в пиджаках, джемперах и майках. За ними поднимались стены большого шатра, через прямоугольник входа били разноцветные лучи.

– Мы тут пролезем? – спросил Игорь.

– Пролезем, – ответил Олег и принялся раздвигать толпу.

Мужик с бычьей шеей сердито глянул на него, но сразу сник. Открыла рот ярко накрашенная девица, но захлопнула его и испуганно шарахнулась в сторону. Остальные расступились, Олег и Игорь оказались перед стойками, на которых висела лента из алого бархата.

За ней стояли двое здоровенных лбов из службы безопасности, а между ними – высокий мужчина. Костюм на нем сидел настолько хорошо, что казался нарисованным на теле. На загорелом лице красовалась улыбка, в черных волосах чуть заметно посверкивала седина.

При виде Олега он подобрался, в глазах появилась настороженность.

– Это ты? – спросил он.

– Я. А ты все тут?

– Надо как-то жить, – последнее слово высокий сопроводил негромким смешком. – Ты к нам?

– Нас двое, – Олег кивнул в сторону Игоря, и тот был удостоен быстрого внимательного взгляда.

– Проходите.

Фейс-контрольщик снял закрепленную за крючок ленту с одной из стоек. Отступил в сторону. Пройдя внутрь огороженного пространства, Олег на миг приостановился, тихо сказал:

– Будь осторожен. Сашку они достали.

– Я всегда осторожен, – так же негромко ответил высокий и повесил ленту на место. Завопили что-то оставшиеся за ней девицы, один из мужиков начал ругаться, другой – вспоминать друга Борю.

На лице фейс-контрольщика не дрогнул ни единый мускул.

Олег и Игорь прошли в шатер и затопали вверх по деревянной лестнице, навстречу грохотающей музыке и яркому свету.

– Зачем мы здесь? – чтобы спутник его услышал, Игорю пришлось повысить голос.

– Тут должен быть один человек, который мне нужен.

Прошли фойе, оставили позади гардероб и туалет. Оказались у очень большой стойки бара, сделанной в форме подковы. Над ней нависала сцена, у шестов крутились почти голые девицы «до-до». В противоположную сторону поднимались ступени амфитеатра, достаточно широкие, чтобы на каждом стояли столы. Музыка колотила отовсюду, лучи света метались во всех направлениях, по полу и стенам разбегались цветастые блики.

В первый момент Игорь оглох и ослеп, разглядел только, что за столиками сидят люди.

– Нам туда, – громко сказал Олег и зашагал в сторону амфитеатра.

Протиснулись через завесу из танцующих и начали подниматься со ступеньки на ступеньку. Давление на уши и глаза стало немного меньше, или Игорь просто привык. В любом случае он смог оглядеться.

Многие из тех, кто сидел за столиками, были ему хорошо знакомы. Мелькали в новостях, на обложках глянцевого журналов, в телешоу. Сейчас они пили из широких и высо-

ких фужеров, оживленно смеялись. Волосы женщин блестели в полумраке, горели золотом дорогие часы на запястьях мужчин.

Известный политик сидел в обнимку с актрисой, по которой сохнет половина мужчин страны. А спортсмен, вроде бы готовящийся к Олимпиаде, поил шампанским телеведущую с канала СТС.

Тут тратили деньги олигархи и продюсеры, скороспелые звезды сериалов жадно искали внимания. Сновали помятые типы с плавающими взглядами наркоманов, некие существа среднего пола. И всюду были девицы, явившиеся сюда с единственной целью – сняться.

Похоть и алчность горели в их взорах.

От запаха духов, изысканного алкоголя и конопли воздух казался сладким, точно засахарившийся мед.

– Вот и он, – сказал Олег, и Игорь увидел, что впереди остался только один столик, у самой стены.

Сидевший за ним молодой человек был сильно занят. Он пил что-то из рюмки и одновременно тискал блондинку в золотистом платье. Грудь девицы почти вывалилась из декольте, виднелся багровый сосок. Но хозяйку одежды такое ее состояние нисколько не занимало.

Девица была уверенно и усиленно пьяна.

Молодой человек хлопнул рюмкой об стол. Поднял лицо – изящное, с прямым носом, большие светлые глаза, темные брови и настоящая копна золотистых волос. Одет он был в голубовато-серый костюм, на желтом галстуке блестели капельки жира, лацкан «украшали» мокрые пятна.

– Чего надо, б...? – спросил молодой человек, обнаружив, что к столу кто-то подошел. – Кто вы такие?

– Это я, – сказал Олег.

Лицо молодого человека мгновенно сделалось серьезным, из глаз ушла пьяная муть, взгляд стал пристальным. Он скорчил недовольную физиономию и спихнул блондинку с колен.

– Эй, што такое?! – воскликнула та.

– Иди прочь, курва, – мрачно бросил золотоволосый. – Надоела. Иди, ради бога. А вы садитесь.

Девица выругалась, пошатываясь, убрела вниз по ступенькам, а Олег и Игорь опустились на стулья. Молодой человек встряхнул волосами и вытащил из кармана портсигар из серебристого металла, чью крышку украшало изображение петли.

– Чего приперлись? – спросил он, закулив сигарету. – Или ты, милый, просто хочешь меня повидать? И кого ты привел с собой?

– Это Игорь, – сказал Олег. – А этого пьяницу и бабника зовут Сергей.

Золотоволосый, чье лицо казалось до безумия, до жути знакомым, скривился, потянулся к графинчику с водкой.

– Раз я вроде бы жив – пока еще зовут, – пробормотал он мрачно. – Выпить хотите? Хотя это и не жизнь пошла, а сплошное издевательство. Плакать хочется, такое безумие в этой стране творится.

Олег покачал головой:

– Нет, пить мы не будем. Прах и пепел, да и ты нужен нам трезвым.

Сергей улыбнулся, а скорее даже оскалился, отставил графин в сторону. Глубоко затянулся и выпустил дым через ноздри.

– Так-то лучше, – сказал Олег. – На, посмотри на фотографии. И просматривай до самого конца.

Он вытащил из кармана фотоаппарат, тот самый, что в свое время попал в руки Игоря. Передал через стол. Сергей взял прибор с осторожностью, как кусачего зверька, защелкал кнопками.

Потом лицо его стало не белым даже, а прозрачным, рука с сигаретой застыла на месте. Пепел падал на скатерть, сыпался в тарелочку с красной рыбой, но Сергей не обращал на это внимания. Он смотрел и смотрел, губы его кривились, а в глазах стыли боль и страх.

А затем Сергей вдавил сигарету в пепельницу.

– Вот суки, – пробурчал он. – Сашку достали... и Донского тоже... гниды подзаборные, хер им в глотку... когда это случилось?

– Два дня назад. Ты знаешь, я не очень любил куликовского выскочку, но такой смерти никому не пожелаю.

Сергей вытащил еще одну сигарету, нервно прикурил. Потянулся к водке, но отдернул руку.

– И что дальше? Что ты хочешь от меня?

Олег покачал головой, выловил из чашечки оливку, со вкусом пососал. И только затем ответил:

– Пришло время собирать синклит. Если мы прождем еще немного, то Россия погибнет.

Игорь вздрогнул. Диким показалось услышать такие слова в ночном клубе, где царит Ее Величество Сплетня, а алкоголь льется настоящей Ниагарой. Сначала решил – показаться.

– Россия погибнет? – спросил Сергей, точно пробуя слова на вкус. – Не так много существую, а от этой фразы в ушах звенит. Тебя от нее должно тошнить, как с похмелья.

– А что случится? Почему погибнет? – вмешался в разговор Игорь. – Американцы все-таки нападут на нас?

Олег улыбнулся, а Сергей захохотал, весело и открыто, размахивая сигаретой и раскачиваясь всем телом. Отсмеявшись, он вытер выступившие слезы и сказал:

– Какие американцы? Не смеши людей, милый. Как выразился один мой коллега, до сих пор живой, – по красивому лицу проскользнула тень боли, – никто, как русские, так не спасал других. Никто, как русские, так сам себя не губит.

И в этот момент Игорь понял, где видел эти глаза, копну светлых волос – на портрете, что висел в кабинете Алевтины Павловны, их классной. Она преподавала русский и литературу, и стены украшала изображениями классиков – Чехова, Гоголя, других...

Сходство было невероятным, невообразимым, но поверить в него Игорь не мог. Как такое возможно – чтобы тот, кто умер более восьмидесяти лет назад, сидел вот так, смеялся и пил водку? При взгляде на Сергея хотелось закрыть глаза, ущипнуть себя и проснуться, вырваться из этого бреда...

– Случись такое пятнадцать или двадцать лет назад, я бы не побеспокоился, – сказал тем временем Олег. – Но сейчас в этой стране осталось слишком мало веры, чересчур мало знания.

– Так ты думаешь, он больше не восстанет? – спросил Сергей, а потом прокашлялся и начал декламировать:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с тобой.

Голос его изменился, стал хриплым, в нем появился надрыв. Руки задвигались, попадая вовсе не в такт стихам. И все это вместе создало дикое, странное, волшебное впечатле-

ние. Музыка словно сделалась тише, а ночной клуб – паноптикум «элиты» – отодвинулся, укрылся за полупрозрачной стеной.

Отвести глаз от Сергея было невозможно, не слушать его тоже.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Тут голос Сергея прервался, губы задрожали, искривились. Затушив сигарету, он налил водки в фужер для шампанского и выпил одним махом. И Олег даже не попытался его остановить.

– Но это уже прошлое, – сказал он. – Наше дело – думать о будущем. Синклит не собирався с сорок первого. Мы все просто забыли, что такое быть вместе. Как-то приспособились к новым реалиям и решили, что эта страна будет жить и без нас.

– Без нас... – эхом отозвался Сергей.

– А она меж тем медленно умирает. Понял?

Сергей потер лицо руками, точно счищая с него нечто невидимое.

– Хорошо, – сказал он. – Я пошлю зов всем, до кого только смогу дотянуться. Сам буду осторожен, будто в славные времена ВЧК, и даже еще осторожнее. Что еще ты хочешь от меня, ради бога?

– Мы хотим поехать в... – тут Олег произнес какое-то слово, что прозвучало, как «Кижы», но все же по-другому. – И моему приятелю нужны поддельные документы. Ты сможешь их достать?

– Нет проблем, дружище, – Сергей заулыбался, вытащил из кармана брюк тонкий черный коммуникатор. – Сейчас я позвоню одному человеку. Он подъедет через полчаса, и мы решим вопрос.

Он набрал номер, приложил аппарат к уху и принялся разговаривать.

– А тебе документы не нужны? – спросил Игорь у Олега. – Они ведь наверняка ищут тебя тоже.

Олег сунул руку в карман джинсов и, точно кролика из шляпы, вытащил оттуда паспорт. Протянул его Игорю и сказал:

– Смотри.

От новенькой, чистой корочки пахло горьким, открываясь, она издала негромкий хруст. С третьей страницы на Игоря глянуло лицо Олега, а черные на розовом буквы за ламинатом сообщили, что документ принадлежит Вещинскому Олегу Петровичу, тысяча девятьсот семидесятого года рождения, зарегистрированному в городе Москва по адресу улица Херсонская, дом семь...

– Не веришь? Думаешь, он лежал там давно? Держи еще один.

Второй паспорт оказался таким же, изменились только номер, серия и имя владельца. Игорь подумал, что бред, в котором он очутился, теряет последние связи с реальностью.

Что дальше – из-под стола вылезут «люди в черном»? Или могучие маги Гесер и Завулон поведают миру о длящейся тысячелетиями борьбе Бобра с Ослом? Или сам Бог почтит визитом ночной клуб?

– Это настоящая магия, – сказал Игорь.

– Мне не нравится это слово, – Олег покачал головой. – Оно поверхностное, очень пустое. Да и волшебства тут никакого нет.

– Скорее это что-то вроде мимикрии, как у хамелеонов – смена окраски, – добавил оторвавшийся от телефона Сергей. – Такое может любой из нас, но только для себя.

– У меня получается не так хорошо, как у него, – сказал Олег. – Я родился в те времена, когда человек чувствовал себя уверенно с луком и мечом, а не с паспортом и деньгами.

Сергей убрал коммуникатор обратно в карман, посмотрел на Игоря вопросительно.

– Выпьешь со мной? А то надоело одному надираться. Этот бородатый, знаю, спиртного не любит. А ты?

И что-то было такое убедительное в этих голубых глазах, в хриплом пропитом голосе, что Игорь не смог отказаться. Он взял протянутую рюмку, подцепил с тарелки кусок рыбы, не засыпанный пеплом.

– Эх, будем здоровы! – провозгласил Сергей, и рюмка в его руках блеснула, точно ее наполняло жидкое серебро.

Водка провалилась в горло Игоря огненным клубком. Он торопливо закусил, потянулся к графинчику с томатным соком. Быстро ослепел, отяжелел, будто выпил больше, чем одну рюмку. Что-то случилось с восприятием, остались сменявшие друг друга картинки.

Сергей и Олег спорят о чем-то, первый каменно спокоен, второй горячится и размахивает руками...

Горящая сигарета втыкается в стол, ощущается вонь горелого...

Мельтешат на грани видимости какие-то фигуры, то ли официанты, то ли люди из службы безопасности, звучат сердитые голоса...

На соседний стул опустился худощавый человек с бородкой клинышком и острым взглядом голубых глаз.

– Привет, – сказал он. – Звали?

Тут Игорь немножко пришел в себя и смог рассмотреть, что остроглазый одет в клетчатую рубаху навыпуск, а через плечо у него висит черный кофр вроде тех, что носят фотографы.

– Да, милый, звали, – ответил Сергей.

Рука его нырнула в карман пиджака, а когда вернулась обратно, то в ней оказалась зажата тонкая пачка стодолларовых купюр. Владелец бородки клинышком схватил ее, точно удав – кролика, и деньги исчезли. А потом перевел взгляд на Игоря и презрительно спросил:

– Этот?

– Да, – проговорил Сергей.

Последовал темный провал, а потом Игорь обнаружил, что они спускаются вниз по амфитеатру. Со сцены над барной стойкой исчезли танцовщицы, зато появились девицы в блестящих платьях. Они дефилировали, покачивая задницами, унылые неподвижные лица говорили, что девчонки всего лишь работают ходячими вешалками.

Еще провал, и Игорь понял, что они в какой-то комнате, небольшой и очень ярко освещенной. Вспышка ударила ему в лицо, и он покачнулся, следующая ослепила, потом все слилось в яркую карусель.

Успел еще подумать, что что-то не так, и отключился.

Бомж

Его знали все постовые милиционеры, охранявшие Кремль, особенно хорошо те, что дежурили около Спасской башни. Его лицо было хорошо знакомо офицерам роты почетного караула и тем из ее солдат, кто стоял около Вечного огня не первый год. Многие ловили себя на мысли, что он им кого-то напоминает, то ли политика, то ли полководца, то ли писателя.

Но кого точно – вспомнить не мог никто.

Выглядел он как обычный московский бомж – грязный и вонючий, в длинном неопрятном пальто и стоптанных сапогах. Странно было только то, что у него не росла борода, да еще чудной казалась привычка носить на шее веревочку с болтавшимися на ней блестящими цацками – крышками от консервных банок, чайными ложками, медалями с собачьих выставок.

Он приходил на Красную площадь каждый день, за исключением тех случаев, когда она была закрыта. Но и тогда он маячил где-то у внешнего кордона оцепления и иногда делал попытки проникнуть внутрь.

Пару раз это получалось.

Иногда у него выходило пробраться внутрь Кремля. Его видели около колокольни Ивана Великого, рядом со зданием бывшего Арсенала и даже у Благовещенской башни. Пару раз выводили силой, а однажды, когда во время приема иностранного гостя чуть не случился небольшой скандал, собрались поколотить, но почему-то ни у кого не поднялась рука.

Чаще всего он просто стоял около Спасской башни, смотрел на нее и морщился, точно пытался что-то вспомнить. Или шагал к Мавзолею и дальше, к Сенатской башне, и бродил по некрополю, подолгу останавливаясь у каждой могилы. Вглядывался в надписи и шевелил губами.

Голос его слышали немногие, звучал он неприятно, слова произносились с трудом и с причмокиванием. Это наводило на мысли о вставной челюсти, но откуда она у нищего бродяги?

Особенно часто он останавливался у той могилы, что располагалась между Дзержинским и Свердловым.

И еще имелась у него чудная особенность – теряться из виду, пропадать из поля зрения. Вроде бы только что он был, стоял рядом, хмурился и вонял помойкой, а вдруг пропадал, точно сквозь брусчатку проваливался.

Порой так же внезапно, как и исчезал, он появлялся, и увидевший его прямо перед собой невольно вздрагивал.

По слухам этот плотный, среднего роста мужчина впервые появился на Красной площади в начале девяностых. После того как великая страна превратилась в кучку независимых осколков, а те погрузились в пучину экономического кризиса. Тогда бомжи сделались привычным элементом городского пейзажа, а милиции стало не до того, чтобы их гонять.

Позже на Красной площади навели порядок. Бомжи там появляться перестали, а многие из тех, кто начал бродяжничать в начале девяностых, умерли от холода, пьянства или болезней.

Но любитель разглядывать Спасскую башню выжил и даже вроде бы не постарел. Черные глаза его не выцвели, темные с проседью волосы не вылезли, и столь же густыми остались брови.

А коллекция металлических побрякушек на веревочке стала больше.

Глава 2

Быть русским – значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции, и с любовью принимать ее как одну из главных и заветных своей личной жизни. Быть русским – значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и строители. Только на этой вере мы можем утверждать нашу борьбу за нее и нашу победу.

И.А. Ильин «Почему мы верим в Россию»

Открыв глаза, Игорь обнаружил над собой потолок. Перевел взгляд, увидел темно-бордовый ковер с развешанными на нем кинжалами. Повернувшись, понял, что лежит на мягком диване в полутемной комнате и что через щель в шторах прорывается яркий луч солнца.

В нем танцевали пылинки, похожие на очень маленьких фей.

Послышался шорох, точно по воздуху ударили большие крылья, и прямо посреди комнаты из пустоты возник громадный серый кот. Посмотрел на Игоря неодобрительно и произнес:

– Мурр.

– Что такое, Саныч? – донесся из-за дверного проема негромкий голос, и в комнату вошел Олег.

Он был в черном шелковом халате, расшитом белыми черепами.

– А я так надеялся, что вы мне приснились, – с горечью сказал Игорь. – Что со мной случилось? Там, в клубе.

– Обычному человеку тяжело долгое время находиться рядом с такими, как мы, – ответил Олег. – А ты провел около меня целый день. Вот твоё тело и не выдержало. А ну-ка вставай. Хватит лежать. Нужно двигаться, пересиливать себя. Тогда быстрее привыкнешь.

Саныч бросил на гостя еще один сердитый взгляд и завалился на бок, вытянув лапы.

Игорь поднялся с тахты, пригладил встрепанные волосы.

– А это и вправду с нами был... – он немного поколебался и назвал фамилию, что вчера все время вертелась на языке.

– Да.

Голова у Игоря немного закружилась, он даже присел на тахту. Лопнула последняя надежда, что все можно объяснить рационально, что это всего лишь случайное сходство и не более.

– Но это же невозможно! По-моему, он умер... ну или его убили злобные агенты НКВД.

– Иди вымойся. Потом поедим и поговорим, – предложил Олег. – Сейчас ты мало на что годен.

Игорь вздохнул и спорить не стал. Получил махровое полотенце, жесткое, точно щетка, и банный халат, почти такой же, как у хозяина, только украшенный не черепами, а желтыми драконами. Поплескался под душем, меняя воду с ледяной на очень горячую, и дурманящая слабость ушла.

А когда растерся до красноты, и вовсе почувствовал себя бодрым, словно молодой кот.

– Вымылся? – встретил вышедшего из ванной Игоря Олег. – Пошли, мясо готово. Чай заварен.

На стол была подана сковорода со скворчащими кусками свинины, кастрюля с отваренными макаронами и банка консервированного лечо. Игорь ел торопливо, жадно, а вот Олег неспешно смаковал каждую ложку. Потом они пили ароматный зеленый чай.

– Поели, теперь можно и поговорить, – сказал Олег. – Ты до сих пор не веришь в то, что видишь собственными глазами. И в то же время веришь тому, что говорят по телевизору и пишут в газетах.

Игорь не нашелся, что ответить.

– Большинство людей поступают точно так же, – добавил Олег. – Именно поэтому мы и живем спокойно. Если кто-то видит знакомое по учебнику истории или литературы лицо, он решает, что ему показалось.

– Но откуда вы взялись? – спросил Игорь. – По-моему, ожившие мертвецы бывают только в кино.

– Вера – могучая сила. Абсолютно все, во что верят люди, существует. – Олег покачал головой. – И многое из того, о чем они просто помнят. Даже мертвое, напитанное верой, насыщенное духом, имеет склонность оживать. Раньше были боги, потом их времена миновали. Но людям нужны идолы, и их проще всего сотворить из мертвых сородичей, которые чем-то прославились. Из Александра Невского в России сделали покровителя войны, из Андрея Рублева – божество искусства. И чем первый лучше Перуна, а второй – Аполлона?

Игорь подумал и предположил:

– Тем, что не требуют жертв.

– Материальных – не требуют, тут ты прав. Но они жаждут духовных жертв – поклонения, обожания. Все же мы не боги, а люди, и о нашем значении нужно постоянно напоминать. И на мертвецов мы мало похожи. А откуда взялись... – глаза Олега потемнели. – На это я тебе ответить не могу...

Игорь налил себе еще чаю.

Олег помолчал и сказал:

– Ты просыпаешься однажды, голый, неподалеку от места, где умер, ничего не помня о предыдущей жизни, но понимая, что в тебя верят. Не так, как в бога, нет, по-другому. Просто верят, что ты был героем... или чудовищем. И ты с этой верой поделаться ничего не можешь, потому что она тебя и создала. И ты пытаешься жить... как-то существовать, и память понемногу возвращается...

Игорь сидел и слушал, а по коже его бегали мурашки. Еще позавчера бы он счел этот рассказ причудливой фантазией, но за последние дни повидал слишком многое. Не то чтобы он поверил во все до конца, но обычная картина мироздания, предсказуемого и уютного, рухнула.

– Ладно, чрево неба, это теория, – сказал Олег. – Нас с тобой должна интересовать практика.

Он встал из-за стола, вручил Игорю полотенце, и они принялись мыть посуду. Когда последняя чашка оказалась убрана на полку, хозяин квартиры повел гостя в комнату. Полез в стоявшую на полу сумку и вытащил из нее конверт из плотной синей бумаги.

– Что это? – спросил Игорь.

– Подарок. Загляни внутрь.

В конверте обнаружился новый паспорт на имя Петрова Игоря Александровича, а в нем – фотография Игоря, немного испуганного, с блуждающим взглядом, но узнаваемого. К паспорту прилагался билет на поезд номер двадцать два, отправлявшийся сегодня в двадцать три пятьдесят два с Курского вокзала.

– Это... мы едем в Нижний Новгород? – спросил Игорь.

– И немного дальше. Но времени до вечера еще много, поэтому займемся делом, – Олег указал на книжный шкаф. – Давно хотел разобраться с библиотекой, составить каталог. Все руки не доходили. Да и одному неудобно.

Последующие несколько часов были заполнены работой.

Игорь вытаскивал книги из шкафа, что казался бездонным. Раскладывал их по темам – общая история, история оружия, фехтование, технология изготовления мечей. Олег записывал названия в толстую тетрадь с покемонами на обложке, и почерк у него был вычурный, очень странный.

Лежавший на полу Саныч поглядывал на людей с недоумением.

Через пару часов шкаф опустел, пыли в комнате значительно прибавилось, а около тахты возникло несколько могучих башен из книг.

– Никогда не думал, что их так много, – сказал Олег. – Ладно, давай теперь назад. Общую историю – на нижнюю полку...

Игорь вздохнул и принялся запихивать книги обратно.

Когда они почти закончили, раздался звонок в дверь. Саныч вскочил, раздулся, точно серое облако, но мгновенно успокоился и шлепнулся обратно. Даже глаза закрыл.

– Свои, – глянув на кота, заметил Олег и пошел открывать.

Он исчез в прихожей, клацнул замок, и раздался веселый голос, услышав который, Игорь вздрогнул:

– Вот и я! Встречай гостя!

Через минуту Сергей ворвался в комнату, словно маленький золотоволосый ураган. Саныч растворился в воздухе, а вот Игорю деваться было некуда.

– Привет, милый, привет! – воскликнул Сергей. – Рад видеть, что ты жив! Ради бога, этот бородатый приставил тебя к делу?

Костюм он сменил на клетчатую рубаху навыпуск и джинсы. На ноги натянул кроссовки, а за спину повесил черно-красный рюкзак и в такой одежде стал похож на американского туриста.

От завсегдатая ночного клуба остались лишь темные тени под синими глазами.

– Приставил. А куда деваться? – и Игорь вымученно улыбнулся.

– Ха-ха, вот негодяй! – Сергей крутанулся на месте, точно балерина. – А я решил поехать с вами. Надоела мне эта Москва хуже горькой водки. Одни и те же морды. Примелькались – сил нет.

Он вытащил из кармана джинсов портсигар, щелкнул крышкой.

– Курить тут не вздумай, – предупредил Олег. – Ехать с нами ты можешь, конечно. Тебя там встретят много дружелюбнее, чем меня. Но только сам понимаешь, что тебе придется самому позаботиться о том, чтобы выжить.

– Обижаешь! – Сергей нахмурился, торопливо убрал портсигар обратно. – Я не первый год на этом свете ляжку тяну...

Он снял рюкзак, расстегнул молнию. Внутри обнаружилась литровая бутылка водки «Столичная», а рядом с ней – нечто продолговатое в полиэтиленовом пакете. Из него Сергей извлек автомат с коротким, будто обрубленным стволом и длинный, точно глист, магазин к нему.

– «Айнгрэм», – сказал Олег. – Да, ты серьезно снарядился. А я обхожусь старым добрым «ПМ» и парой клинков.

Он вынул из собственной сумки небольшой черный пистолет, затем показал два ножа в кожаных чехлах.

– Так мы что, на войну собрались? – спросил Игорь.

– Нет, но всякое может быть. – Олег развел руками. – Слуги зла есть везде, а не только в Москве.

– Тогда зачем мне с вами ехать? Может быть, безопаснее тут отсидеться?

Сергей и Олег переглянулись, и глаза второго странно блеснули.

– Да, Саня о тебе позаботится, это понятно, – сказал он. – Но, во-первых, я тебя в это втянул, мне и отвечать. А мне будет легче, если ты останешься рядом. Во-вторых, ты – человек. А человек может увидеть то, что не увидит никто из нас. Понял?

Аргументы не выглядели особенно убедительными, но Игорь осознавал, что в Москве его не оставят.

– Будем считать, что да, – буркнул он.

– Тогда давай, заканчивай с книгами. Я пойду, отведу гостя туда, где он сможет покурить.

Сергей ехидно подмигнул и вслед за хозяином поплелся на кухню. Игорь вздохнул и вернулся к толстым альбомам. Засовывал их в верхнюю полку, для чего приходилось вставать на табуретку. Слышал приглушенные голоса, но особенно не вслушивался. Руки от таскания тяжелых книг болели, хотелось пить.

Засунув на место последний альбом, посвященный кортикам двадцатого века, Игорь задвинул стекло и спрыгнул на пол.

– Эй, иди сюда, – позвал Олег с кухни.

– Да, иду.

Олег и Сергей обнаружили за столом, на котором стояли три стопки и бутылка водки, та самая, что лежала в рюкзаке. Золотоволосый улыбался, но криво, совсем не весело. Хозяин квартиры выглядел, как обычно, невозмутимым, вот только взгляд его рыскал из стороны в сторону.

– Присядь, – сказал Олег, вытаскивая из-под стола табуретку. – У меня дурные новости.

Игорь сглотнул, ощутил, как ослабели ноги. Опустился на табуретку и дрожащим голосом спросил:

– Что случилось?

Сергей поморщился, а Олег сказал, медленно и тяжело:

– Твоя жена мертва. Ее убили сегодня утром.

– Что?

Сначала Игорь не понял, что именно услышал. Потом подумал, что они шутят, что это не может быть правдой. Катю убили – как такое возможно? Она должна быть жива, не может умереть вот так неожиданно.

Сердце дернулось, и тут Игорь осознал: все всерьез, все так и есть. Открыл рот, но не смог ничего сказать.

– Поганое дело, но такое случается, – проговорил Сергей.

– Такое случается... – повторил Игорь, и тут оцепенение прошло. Он ощутил, что вновь может двигаться и говорить, что в жилах бьется горячая кровь и только в сердце осталась толстая холодная заноза. – Случается?! Все произошло из-за вас! Из-за тебя, бородастый козел!

Захотелось стукнуть Олега, врезать ему изо всех сил, чтобы разбить мерзкую харю в кровь...

Игорь едва сдержался. Сжал кулаки и заорал:

– Если бы я не послушался тебя, если бы остался с ней, она была бы жива! Жива! Ты понимаешь это?!

– Вряд ли, – сказал Олег. – Вас просто убили бы обоих.

– Мурр, – раздалось над самым ухом у Игоря. Обернувшись, он обнаружил, что Саня сидит на полке для посуды и шерсть его стоит дыбом, а в желтых хищных глазищах – сочувствие.

– Скоты, вот скоты... – простонал Игорь. – Это невозможно. Почему так?! Может быть, вы все это выдумали? Ведь так! – он схватил Олега за руку, с мольбой поглядел в глаза. – Это шутка?!

– Боюсь, что нет, – вздохнул Сергей – Плакать хочется, на тебя глядя. Но я сам в новостях видел: найдено тело Екатерины Ветровой, тридцати лет, и так далее. У этого бородатого телевизора нет, а то мы бы включили...

Игорь пошатнулся, накатило головокружение, а сердце забилося болезненно и часто. В следующее мгновение осознал, что плачет, уткнувшись в твердое, как валун, плечо Олега.

Чувство было такое, что рухнуло что-то внутри, сломалось навсегда. А на самом деле разбилось все, что было вокруг, – скорлупа обыденного, размеренного быта, скучной, зато безопасной жизни. Рухнуло окончательно, исчезло последнее звено, что связывало Ветрова с его личным прошлым...

– А ну-ка, выпей, легче будет, – сказал Олег и похлопал Игоря ладонью по спине. – А ну-ка, давай...

Зажурчала наливаемая в стопку водка. Игорь с трудом выпрямился, вытер мокрое лицо. Ухватился за поданную Сергеем посудину. Тот налил еще две порции и сказал мрачно:

– Не чокаясь. Помянем.

Вкуса и крепости Игорь не почувствовал, словно пил обыкновенную воду.

– Я должен пойти на похороны, – проговорил он. – Обязан. И даже не отговаривайте меня. Я никуда не еду...

Сергей вздернул темную бровь, тряхнул волосами.

– Чтобы тебя там и взяли? – спросил Олег. – Они тебя ждут, не сомневайся. Дежурят около квартиры. Вряд ли ты успеешь попрощаться с женой.

– Выпей еще, – предложил Сергей и потянулся за бутылкой.

После второй стопки Игорь впал в тяжелое, болезненное оцепенение. Его трясло, по телу прокатывались волны жара и озноба. Тело ломило, двигаться было трудно, словно руки и ноги отказали вовсе.

Сергей и Олег отвели его в комнату, заставили переодеться.

– Так, похоже, что все, – сказал хозяин квартиры. – Можно двигать. Транспорт нас ждет. «Куда двигать?» – захотел сказать Игорь, но не сумел. Губы не послушались.

Они вышли на улицу и сели в ожидавший у подъезда черный «Мерседес», тот же самый, что и вчера. Машина двинулась, и Игорь с удивлением обнаружил, что на улицах понемногу темнеет.

Он полусидел-полулежал на заднем сиденье, и мысли обращались в прошлое.

...вот он идет по супермаркету, катит тележку с продуктами. Заглядевшись, едва не сбивает стройную русоволосую девушку. Он смущается, пытается извиниться, она в ответ заливисто смеется...

...вот они в Египте, на пляже. Синее небо, синее море, и глаза Кати, блестящие, яркие...

...вот они дома, сидят перед телевизором...

...на даче у родителей...

...в гостях...

И все это никогда больше не повторится. Прошлое не вернется, оно останется в памяти и более нигде. От накотившей горечи Игорь заскрипел зубами, закрыл глаза и задышал тяжело-тяжело, чтобы сдержать слезы.

Хватит одного раза.

К тому моменту, когда показался Курский вокзал, он почти совсем успокоился. Осталась только боль в сердце, похожая на вшитый в тело кусочек очень тяжелого льда. Оцепенение в мышцах прошло не до конца, но озноб исчез.

«Мерседес» свернул с Земляного Вала и в ряду прочих машин подъехал к самому вокзалу. Тот был ярко освещен, через огромные окна виднелись строительные леса. Торопились люди с сумками, чемоданами и рюкзаками, всюду бродили потрепанные бомжи.

– Приехали, – сказал Олег. – Вылезаем.

Игорь с некоторым трудом выбрался наружу. Взял сумку, что ему дали, даже не глядя на нее, повесил на плечо.

– Держись рядом с нами, – сказал Сергей в ухо. – Тогда тебя не увидит никто из тех, кто не должен увидеть.

Игорь кивнул.

Они прошли мимо выхода к пригородным поездам и через центральный подъезд проникли в вокзал. Напротив дверей обнаружился милицейский патруль – двое парней с автоматами и офицер, толстый, словно боров. Глаза у всех троих были черными, точно в черепа налили угольного киселя.

Черными и мертвыми, как у парней, что громили кафе.

Как у тех, кто убил Катю...

Игорь почувствовал злость, желание заорать и ринуться вперед. Взять жирного за горло и сдавить...

– Спокойно, – проговорил Олег и взял Игоря за локоть. Сильно сжал, точно сдавил клещами.

Патрульные смотрели на входивших в вокзал людей. Взгляды их были жадными и в то же время равнодушными.

– Пока ты спокоен, ты невидим, – вполголоса сказал Сергей. – Только разозлишься – все, нам хана, милый...

В первый момент патрульные не обратили на троицу внимания. Затем офицер недоуменно моргнул, уставился прямо на Игоря и близоруко прищурился. Тот снова задышал глубоко, постарался задушить собственную злость, загнать ее в недра души.

Командир патруля отвел взгляд в сторону, и они прошли мимо.

– Вот так-то лучше, – Олег кивнул и опустил локоть Игоря. – Посадка началась. Поспешим.

Поезд на Горький отправлялся от первого пути, так что спускаться в тоннель не пришлось. Миновали зал ожидания, где огромный телевизор показывал фильм Коппола «Дракула», а на сиденьях спали люди, и вышли к составу, темно-зеленому, точно старый крокодил.

На вагонах красовалась сделанная крупными буквами надпись «Нижегородец». Рядом с каждым, будто суслик около норки, стояла проводница в темно-синей, с золотом форме.

У седьмого вагона, куда у всех троих были билеты, обнаружилась розовошекая, молоденькая блондинка. Увидев ее, Сергей плотоядно ухмыльнулся, пробормотал чуть слышно:

– Ох, какая красавица.

Девушка вздрогнула, недоуменно посмотрела на троих мужчин, словно только что их увидела.

– Билеты, – сказал Олег. – Паспорта.

Игорь попытался вспомнить, куда дел синий конверт, но не смог. Оказалось, что документы у Олега.

– Привет, красавица, – сказал Сергей, протягивая проводнице собственный паспорт и глядя ей прямо в лицо.

В синих глазах его читалось восхищение, немного наигранное, но зато явственное.

– Здравствуйте... – ответила девушка и покраснела.

Сергей удовлетворенно заулыбался. Они поднялись в вагон и свернули в первое же купе. Тут было полутемно и уютно, пахло свежим бельем и цветами, окно украшали кружевные занавески, на столике стояла вазочка с небольшим букетом. Игорь убрал сумку вниз, под полку, и сел к окну.

Проводница прошла по коридору, призывая провожающих выйти из вагона, и спустя пять минут поезд тронулся. Поплыли назад огни вокзала, стоявший на соседнем пути состав.

В купе они так и остались втроем.

– Я спать, – сказал Олег после того, как у них проверили билеты.

– А мы, я думаю, посидим, – Сергей глянул на Игоря вопросительно. – Ведь ты не хочешь спать?

Игорь покачал головой. Он вообще ничего не хотел: ни спать, ни есть, ни жить...

Олег стащил джинсы, ловко запрыгнул на верхнюю полку. Сергей исчез на какое-то время, а когда вернулся, на его лице красовалась хитрая, довольная улыбка, а в руках держал два стакана с чаем.

– Я с Машенькой договорился, – сообщил он. – Сейчас нам из вагона-ресторана закуски принесут.

– Машенька – это кто?

– Милый, да ты совсем мертвый. Это наша проводница. Попозже я к ней загляну, а пока можно и поболтать.

Игорь вздохнул, подумал, не отказаться ли от выпивки. Но Сергей уже вытащил бутылку.

– Так, пей чай, – распорядился он. – И побыстрее.

Олег на верхней полке перестал возиться, послышалось его мерное дыхание. Потом в двери купе появился официант в белой рубашке. Принялся снимать с подноса тарелки – два салата, картошка с рыбой, селедочка с луком, графин с персиковым соком и жульен.

– Спасибо, приятель, – сказал Сергей. – Сколько я должен?

Официант забрал деньги и ушел, а Сергей потянулся к бутылке.

– Ну, давай, – сказал он и подвинул к себе один из салатов. – Что тут у нас? Оливье? Тогда второй – рыбный. Вздрогнули...

Он выпил свою порцию махом, а вот Игорь замылся, долго собирался с духом. Водка колом встала в горле, пришлось просто запихивать ее в себя. Из глаз полились слезы. Зато когда проморгался, почувствовал, что стало много легче. Из мускулов ушло напряжение, из рук и ног – противный холод.

– Закусывай, – предложил Сергей. – А я пока музыку включу...

Он вытащил коммуникатор, положил его на стол. Потыкал в сенсорный экран стилусом, и в купе зазвучал сорванный голос Гарика Сукачева: «Мне осталась одна забава – пальцы в рот да веселый свист...»

Сергей улыбнулся, тепло и отстраненно, словно вспомнил нечто приятное.

– Вот так-то лучше, – сказал он. – Ешь давай. Легче будет, поверь мне. И давай вмажем по второй.

После второй Игорь и вправду захотел есть. Расправившись с салатом и жареным судаком, ощутил желание разговаривать. Некоторое время помялся, вслушиваясь в стук колес, а потом спросил:

– Что вообще происходит? Куда я угодил? Ради чего умерла моя жена?

Сергей ухмыльнулся.

– Сколько вопросов сразу. Этот бородатый тебе, наверное, про добро и зло рассказывал?

– Да. Только я, по-моему, мало чего понял.

– Ладно, попробую объяснить по-своему. – Сергей оперся локтями о стол и сплел пальцы перед лицом. – Пойми, человечество – единый живой организм, люди – его мельчайшие клетки. Каждый народ – это орган, как печень, сердце или легкие, а его синклит – нечто вроде нервной системы. Пока она жива, орган работает, если отмирает, ему тоже не жить.

Колеса вагона постукивали, за окном вспыхивали, уносились в прошлое огоньки, а Игорь сидел и слушал.

– Еще, как и в любом живом организме, есть паразит, не способный к самостоятельному существованию, – тут Сергей прищурился, – которого мы называем злом. Он питается энергией распада, уничтожения. Громадный тысячеротый червь, обитающий в теле человечества. Вряд ли он разумен, скорее инстинктивно делает то, что доставляет ему пищу, – отравляет и разрушает. Поэтому дьяволопоклонники выглядят смешно – как можно поклоняться червяку?

– А вы пытаетесь ему противостоять? – спросил Игорь.

– По большей части мы просто живем, или скорее существуем. Уничтожить паразита нельзя. Какой прок с ним воевать? Но случаются времена, когда он становится слишком большим, чрезмерно сильным. Как сейчас в России.

– Но у нас же все хорошо – экономический рост, восстановление обороноспособности и все такое...

Сергей рассмеялся. Потом зажал себе рот ладонью и глянул вверх, на спавшего Олега.

– Ты говоришь сейчас как диктор новостей, – сказал он. – На самом деле это судороги, предсмертная агония некогда великого народа. Последние попытки сделать живым то, что умирает.

– Но президент, премьер, они говорят... – забормотал Игорь.

– Они политики, а работа политика – говорить народу, что все хорошо, даже если страна в полной заднице.

На это Игорь не нашел что возразить.

– Есть такая штука – бюрократия, – сказал Сергей. – Та самая, что сейчас правит Россией, сосет ее соки. Она – часть народа, но в то же время и симптом болезни.словно раковая опухоль, она появляется лишь тогда, когда народ болен. У нас возникла после создания Московского государства и с того времени только росла и крепла. Даже большевики не смогли с ней ничего поделать.

– Но чиновники же нужны, – возразил Игорь. – Как без них управлять?

– Да, нужны, но профессиональные и неподкупные. А откуда взять таких в стране, где взятки – древний и славный обычай? До восемнадцатого века большинство чиновников вообще не получало жалованья, а жило только на подношения. Думаешь, сейчас они строят дачи на Рублевке на зарплату? Элита, твою мать. – Сергей потянулся к бутылке. – Паразит на паразите...

Они выпили еще, Игорь почувствовал, что начинает соловеть.

– Но это полбеда, – сказал Сергей. – Пока Русь была сильна, она могла их кормить. Но сейчас русский народ просто вымирает. Спивается, тупеет, вырождается, уменьшается в числе. А ты говоришь, что все хорошо?

– Ну, не я... – Игорь пожал плечами. – Знаешь ли, по-моему, все так говорят...

«Я обманывать себя не стану, – истово завопил из коммуникатора Сукачев, – залегла забота в сердце мглистом! Отчего прослыл я шарлатаном? Отчего прослыл я скандалистом?»

– Врут, – сказал Сергей. – Я не буду давить тебя цифрами, но народу в России каждый год становится меньше на семьсот-восемьсот тысяч. И сокращение идет в основном за счет нас, русских. Всякие там дагестанцы, таджики и прочие жида успешно размножаются, – его глаза агрессивно сверкнули, – а мы вымираем. Один умный человек подсчитал, что к середине двадцать первого века русских останется двадцать пять миллионов... Плакать хочется!

Сергей разгорячился, яростно жестикулировал, лицо его кривилось, глаза налились кровью.

– И ты веришь, что эта страна без титульной нации сохранит целостность? Лично я не верю!

– Хватит орать... – пробормотал с верхней полки Олег.

Сергей наклонил голову, так что золотые волосы свесились ему на лоб, и заговорил тише:

– Мало того что нас становится меньше, так мы еще и делаемся хуже... Каждый третий – алкоголик, каждый десятый – наркоман... Честно говоря, я не верю, что эту страну еще можно спасти... Даже синклит, если его собрать вместе, мало чего сможет. Эх, продали Россию жида! Все продали...

Завершение речи оказалось настолько неожиданным, что Игорь вздрогнул.

– Выпьем еще? – предложил Сергей, криво и страшно улыбаясь. – А потом споем. Что-нибудь наше, русское...

– Нет. Мне хватит, – сказал Игорь. – Да и поздно. Я, пожалуй, лягу спать.

– А я выпью.

Игорь вынул из пакета белье, стащил с полки матрас. Пока стелил, Сергей успел выпить еще дважды.

– Схожу, умоюсь, – проговорил Игорь.

– Давай-давай, – кивнул Сергей. – А я пойду, покурю. Потом мне еще Машеньку навещать. Эх, трюли-люли-лютики, цветки-шампутики...

Игорь отправился в туалет. Вернувшись, обнаружил, что грязная посуда исчезла, а вместе с ней – и Сергей. Лег и некоторое время не мог уснуть, чудился доносившийся из-за стены горячий шепот, под опущенными веками мелькали яркие, но какие-то размытые картинки, лица...

А потом он провалился в тяжелую дрему без сновидений.

Когда поезд прибыл на вокзал Горький-Московский, в Нижнем Новгороде царило сырое туманное утро.

Олег первым прыгнул на перрон, повертел головой и только потом кивнул Игорю – слезай. Последним выбрался слегка помятый, зевавший Сергей. Улыбнулся, метнул на проводницу страстный взгляд. Та сделала вид, что ничего не заметила, но изящные уши ее заалели.

Когда отошли от вагона, из вокзальных динамиков полился мощный, хорошо поставленный баритон: «Город стоит, так похожий на дивный сон. Нижний Новгород называется он...»

– Встречают, – сказал Олег. – Как положено. Для автобусов еще рано, так что пойдем, позавтракаем.

Они вошли внутрь вокзала, и тут Игоря поразили две вещи. Огромное панно во всю стену, сохранившееся с советских времен, – могучий рабочий с молотом, суровая женщина со снопом пшеницы. И просто колоссальная люстра, занимавшая большую часть потолка. Пол был блестящий и скользкий, точно из мрамора.

Из вокзала выбрались к площади, длинной и немного изогнутой.

На другой ее стороне виднелась стеклянная стена торгового центра с надписью «Республика» наверху. Перед ней стояли лавочки, играл струями небольшой фонтан. А левее и чуть ближе к площади торчало старинное белое здание в три этажа, к которому был пристроен «Макдоналдс».

Чтобы попасть в него, пришлось пройти по грязному и вонючему подземному переходу.

В «Макдоналдсе» оказалось пусто, за кассами скучали мальчишки и девчонки из утренней смены. Олег заказал для всех одно и то же – по большому кофе, паре гамбургеров и картошке фри.

– Синтетическая еда, – сказал Сергей, поднимая булочку и мрачно разглядывая начинку. – Даже едой назвать стыдно. Так, заменитель, причем довольно поганый. И мы это жрем. Тьфу, пакость...

– По-моему, весь мир это ест, – заметил Игорь.

– Нечего нам равняться на весь мир, прах и пепел, – мрачно бросил Олег. – Мы – русские и должны думать о себе. А то куда ни кинь, все заимствованное – макдоналдсы, биржи, баксы, чипсы... Я, конечно, не люблю православных, но они первыми сообразили, что Запад для русского, что в четырнадцатом веке, что сейчас, – не форма социального устройства, не территория, не совокупность стран и народов, а прежде всего – соблазн. Идеологический, национальный, материальный, какой угодно. Ничего хорошего оттуда прийти не может.

– Так и есть, – кивнул Сергей. – И коммунизм там придумали немцы проклятые. Как еще Тютчев сказал – «европейцы уверены, что всякое общество, не устроенное в точности по западному образцу, недостойно существования». И если Россия до сих пор цела, так это только по недостатку у них сил...

Игорь вздохнул и решил не спорить. Горечь утраты, заполнявшая его вчера с головой, почти не притупилась. Боль в сердце осталась, даже сделалась чуть острее.

Пока ели, кафе начало потихоньку заполняться. За соседним столиком устроился солидного вида бизнесмен, занявшие места у окна девицы принялись хихикать и строить глазки Сергею.

– Вот и хорошо, – сказал Олег, вытирая рот салфеткой. – Теперь можно и на автостанцию.

Они вышли из «Макдоналдса» и зашагали обратно к подземному переходу.

– Куда мы все-таки едем? – спросил Игорь. – И зачем?

– В... – Олег повторил то же слово, что и в Москве, но Игорь снова не расслышал его. – Я пытаюсь собрать синклит. Для этого нужно сообщить максимальному числу сородичей о том, насколько серьезно положение. Дальше слухи поползут сами. Понял?

За переходом свернули направо, прочь от железнодорожного вокзала. Пошли вдоль улицы, несмотря на ранний час, забитой автомобилями. Грохотали бело-красные трамваи, гудели машины, над трассой висел плотный запах выхлопов.

Город по-прежнему окутывал густой сероватый туман.

Сотовый в кармане Олега разразился негодующей трелью. Он вытащил телефон и приложил к уху:

– Да? Что? Когда это случилось... – лицо Олега не изменилось, но голос стал злым. – Да, я понял. Все. Пока.

Он отнял сотовый от уха и убрал на место.

– Что такое? – спросил Сергей.

– Погиб Денис Давыдов. Повесился в камере.

Игорь оторопел.

– Где? В камере?

– Он отсидживал срок за убийство. – Олег вздохнул. – Кровь гусарская, горячая. Вот и не выдержал, пришиб одного типа в пьяной драке. Ничего сделать не смог, так что пришлось сидеть.

Лицо Сергея стало белым, брови сошлись к переносице:

– Это не может быть случайностью. Неужели и вправду открылся сезон охоты? Мы все под прицелом?

– О чем я и говорю, – сказал Олег.

Они свернули прочь от дороги, вышли к небольшой площади, уставленной автобусами. Лавируя между ними, прошли к зданию автостанции – маленькому и обшарпанному.

– Ждите тут, – сказал Олег. – Я куплю билеты.

Он вошел внутрь, а они остались снаружи, под начавшим накрапывать дождем. Вытащивший сигарету Сергей глянул вверх, недовольно скривился:

– Что за погода? Еще июнь называется.

Вернулся Олег, принес билеты. Игорь взял свой, увидел, что отправление в восемь ноль-ноль. Через пять минут подкатил автобус – потрепанный «пазик» с зеленой полосой на борту. С шипением открылась дверь, стал виден шофер – сонный, усатый, в клетчатой рубашке.

Играло радио – хриплый пропитой голос тянул что-то романтическое о тюрьме, пацанах и водке.

– Залезаем, – скомандовал Олег.

Пахло в салоне старыми тряпками и бензином, зато кресла оказались удобные и мягкие, с высокими спинками. Сергей сел у окна, Игорь рядом с ним. Олегу досталось место через проход. Едва уселись, внутрь полезли бабки с баулами, пролетарского вида молодые люди.

Ровно в восемь зашла контролер – усталая женщина, – проверила у всех билеты. А затем они поехали. Фырча и лязгая, автобус выкатился на трассу и полез на нависший над железнодорожными путями мост. С него открылся вид на город – река, туман над ней, еще дальше – высокий берег с монастырем и сверху – тяжелая серая крышка облаков.

Через громадную пробку выбрались к еще одному мосту, на этот раз – над рекой.

– Волга, – сказал Сергей, глядя вниз, где по водной глади крохотный буксир толкал баржу.

– А там что было? – спросил Игорь.

– Ока.

Мост остался позади, потянулась трасса. Игорь сам не заметил, как задремал, а проснулся от резкого толчка. Обнаружил, что автобус стоит, а водитель с кем-то очень оживленно беседует.

– Как бы это не по нашу душу, – сказал Олег совершенно спокойно.

Он нагнулся, рука скользнула вниз, к стоявшей в ногах сумке. А когда вернулась, в ней блеснуло лезвие длинного тонкого ножа. Олег прижал его к предплечью, а руку положил на ногу так, что клинок скрылся из виду.

В этот момент дверца открылась, и в салон поднялись двое милиционеров.

– Спокойно, граждане, – бросил первый из них, широколицый и скуластый. – Это обычная дорожная проверка.

Глаза его, абсолютно черные, напоминали шарики из угля, и Игорь невольно удивился – почему остальные пассажиры этого не видят? Завертел головой, надеясь заметить испуг и удивление, но обнаружил лишь покорность и вялое раздражение.

– Не дергайся, – прошептал Сергей, – а не то они обратят на тебя внимание... и тогда миром разойтись не выйдет...

Игорь сглотнул, продавливая внутрь вставший в горле комок.

Милиционеры двинулись по проходу между сидениями, заглядывая в лица пассажиров.

Олег сидел, точно каменный, даже глаза его не двигались. Сергей глядел в окно. Сердце Игоря колотилось, будто отбойный молоток, он чувствовал, как намокает спина, как струйки пота текут по бокам. Хотелось скорчиться, укрыться за спинкой стоявшего впереди кресла.

А потом он встретил взгляд черных глаз и неожиданно для себя успокоился.

Понял, что терять ему нечего. Что всего, что было у Игоря Ветрова в жизни, он уже лишился – машины, работы, жены. Остался только он сам, а о подобном пустяке не имело смысла тревожиться.

Милиционер недоуменно моргнул, потер глаз, словно в него попала муха. Пошел дальше. Олег еле слышно вздохнул, его лежавшие на коленях руки немного расслабились.

– Долго еще? – визгливо поинтересовалась бабка с заднего сиденья. – Мы и так опаздываем.

– Сейчас закончим, – недружелюбно ответил милиционер.

Через пять минут они убрались из салона, а еще через две автобус покатил дальше. За окном мелькнула и осталась позади «Волга» с надписью ДПС на боку. Только в этот момент Игорь смог вздохнуть спокойно. Поднял руку и вытер пот со лба, провел ладонью по волосам.

Олег убрал нож обратно в сумку.

– Молодец, милый, не запаниковал, – сказал Сергей. – Марионетки хорошо чувствуют то, на чем работают сами: страх, злобу, жадность, похоть. Зато на того, кто спокоен, почти не реагируют.

И он одобрительно улыбнулся.

– Марионетки?

– Ну да. Так я их называю. Наш бородатый друг поименовал бы их слугами зла. – Сергей потер подбородок. – Они тоже бывают разные. На низшем уровне стоят те, кто просто разрушает, мордовороты без мозгов, но зато с крепкими кулаками. Потом идут те, кто умеет что-то. А на самом верху находятся те, кто отдают приказы. Они обычно занимают высокие посты. Но даже они не понимают, что именно делают, кому и зачем служат. Вот только нам от этого не легче...

Автобус катил по уходящей на север дороге. Та извивалась среди перелесков, березовых рощ и полей. Дождь продолжал идти, по стеклу сползали капли, мир был серым и мрачным.

– Нам скоро выходить, – предупредил Олег, когда «пазик» свернул с трассы на битый жизнью проселок.

Остался позади покосившийся указатель с надписью «с. Владимирское», и автобус остановился. Заторопилась к выходу пожилая женщина в темном платке, поднялся с места один из молодых людей.

Выйдя из автобуса, Игорь ощутил невероятно сильный запах свежей зелени, мокрых листьев.

«Пазик» развернулся и укатил обратно, и они остались вдвоем на обочине.

Дорога уходила дальше на северо-запад, вдоль нее стояли обычные сельские дома. Крыши блестели от влаги, над заборами поднимались старые, большие яблони. Негромко брехала собака.

– Нам нужно пройти через село, – сказал Олег. – За ним будет озеро.

Прошли околицу, зашагали по обочине, мимо грязных луж, валявшихся в траве бычков и пивных бутылок. Миновали небольшую церковь, на двери которой висел здоровенный замок, покосившееся строение с вывеской «Гастроном», крохотное отделение почты.

Село осталось позади, а потом они оказались на невысоком косогоре. Открылось озеро, не очень большое, метров пятьсот в длину и триста в ширину, но какое-то чистое, необычайно светлое, похожее на кусок неба, вставленный в оправу из песчаного берега.

Оно было вытянуто с северо-запада на юго-восток, по восточному берегу шли бугры, на которых росли высоченные сосны. С севера воду окаймляло болото, кое-где поросшее ольхой.

Дальше со всех сторон стеной стоял густой еловый лес, напоминавший частокол.

– Какое оно красивое... – сказал Сергей. – Эх, как жаль, что я больше не умею писать стихов...

– Нам это умение без надобности, – отозвался Олег. – Надо спуститься к воде и подождать, пока не откроют дверь.

Увязая в песке и заставляя сходить крохотные лавины, они сошли к озеру. Игорь не выдержал, присел на корточки, опустил руку. Вода оказалась теплой, ласково тронула ладонь.

А потом он услышал звон.

Отдаленный, чуть глуховатый, он звучал так, словно в колокола били под землей.

– Вы слышали? – спросил Сергей.

– Да, кажется... – не очень уверенно отозвался Олег.

Дождь прекратился, облачная пелена над озером начала таять. Проглянуло голубое небо, солнце бросило на воду горсть серебристых бликов. Жаркие лучи лавиной рухнули сверху, стало по-настоящему тепло.

Звон прозвучал еще, на этот раз более явственно. Игорь вздрогнул, обнаружив, что отражение в воде изменилось. Вместо бугристого, поросшего лесом берега появился город, точно перенесенный из исторического фильма, – деревянная стена, над ней маковки церквей.

Их было, как он невольно отметил, ровно семь.

На берегу при этом все осталось по-прежнему – те же холмы, высоченные сосны, качавшиеся на ветру.

– Вон он, чрево неба, – сказал Олег, и в голосе его прозвучало напряжение. – Путь открыт. Значит, нас пустят внутрь.

– А что это такое? Что это? – спросил Игорь.

Сергей посмотрел на него как на идиота.

– Ты что, о граде Китеже никогда не слышал? – спросил он, а затем произнес нараспев: – И приехал к озеру Светлояр, и увидел, что место то исключительно красиво, и повелел на берегу озера построить град Большой Китеж. Из летописи цитата, между прочим...

– А, ну да... – проговорил Игорь.

О граде Китеже он, конечно, знал, помнил, что тот вроде бы утонул в каком-то озере. Вот только всегда считал, что это сказка. Хотя за последние дни слишком многие сказки сделались былью, и это оказалось куда менее приятно и интересно, чем полагали авторы старой песни.

– Пошли, – сказал Олег.

Зашагали вдоль берега озера на северо-восток по узкой полосе песка между откосом и водой. Волны плескали, набегаая на сушу, отражение, непонятно откуда взявшееся, еле заметно колыхалось.

– И невидим будет Большой Китеж вплоть до пришествия Христова, как и в прежние времена такое бывало, – добавил Сергей. – Из реального мира город давно перешел в легенду, но все же он, несомненно, существует.

– Да, это... – встрепнулся Игорь. – Нас что, могли не пустить внутрь?

Сергей тряхнул волосами и улыбнулся.

– Запросто, – сказал он. – Этот бородатый – вообще нехристь, меня верным чадом церкви трудно назвать. Хотя я и верил всю жизнь, канон всегда понимал по-своему. А ты, ты ведь не православный?

Игорь замялся, не зная, что ответить.

Он учился в школе в те времена, когда антихристианская пропаганда была частью образования. Правда, в конце восьмидесятых она значительно ослабла, сделалась чистой формальностью. Игорь, честно говоря, не обращал на нее внимания.

Потом ходить в церковь стало модно, страна вспомнила о собственных «духовных корнях». Тогда Игорь даже крестился, но не по особенному порыву души, просто чтобы не отставать от остальных.

Но этим его знакомство с православием и ограничилось. Крест он поначалу носил, потом снял. Церковь не посещал, молитв не знал, а праздники вроде Пасхи или Рождества отмечал вместе со всей страной.

Вполне по-мирскому.

– Нет, не православный, – сказал Игорь.

– Ну вот, видишь? – лицо Сергея исказилось, голос стал хриплым, надрывным: – Ах, какая смешная потеря! Много в жизни смешных потерь. Стыдно мне, что я в бога верил. Горько мне, что не верю теперь...

Они прошли изгиб озера, свернули прямо на север и тут наткнулись на ползущего на коленях человека. В руках он держал две горевшие свечи, а одет был в полинялую футболку и старые джинсы. На небритом лице застыла упрямая улыбка, глаза фанатично блестели.

– Ух, мир вам, люди добрые... – сказал человек.

– И тебе мир, – отозвался Сергей. – Ты чего это делаешь?

– К святости приобщаюсь, – человек кивнул в сторону озера. – Кто Светлояр три раза по часовой стрелке обползет, молитвы читая, тот град Китеж увидит. Тот, в котором праведники Божьи обитают... Я долго к этому готовился, свечи освященные купил, даже молитвы выучил и штаны подготовил...

Он приподнял ногу, стало видно, что на колено нашита заплатка из толстой кожи.

Олег глянул на озеро, где лежало отражение города с семью церквями, и криво улыбнулся.

– Удачи тебе, – сказал он.

– И вам тоже. – Человек запыхтел и пополз дальше.

Прошли еще метров пятьдесят и остановились ровно напротив того места, откуда падало отражение невидимого города.

– Ну и где он, ради бога? – требовательно спросил Сергей.

– Сейчас... – ответил Олег.

Раздался скрип, и перед глазами Игоря помутилось. В голове закружилось, и он обнаружил, что смотрит вовсе не на озеро, а на довольно большую реку.

– Давай, руби! – заорали над ухом.

Повернув голову, Игорь уткнулся взглядом в толпу – потные рубахи липнут к спинам, вихрастые затылки. В центре круга из людей стояли вкопанные в землю колоды, на которых грубыми надрубками были изображены лица, мужские и женские. Около них мелькали блестящие шлемы.

– Руби! – повторился крик.

От подножия одного из идолов, чьи усы блестели позолотой, донесся стук топора, в воздух полетели щепки. Толпа дружно вздохнула, даже скорее всхлипнула, двинулась на шаг вперед.

– Стоять, курвины дети! – прозвучал новый голос. – Или вы против воли князя пойти хотите?

– А ты против воли богов?! – завопил кто-то тонко и пронзительно.

– Не боги это, а болваны деревянные! – ответил тот же голос. – Ибо сами за себя постоять не могут! Смотрите!

Раздался треск, и идол с золотыми усами начал медленно падать. Рухнул с тяжелым гулом, люди шарахнулись в стороны, из толпы донесли крики и плач. А Игорь увидел, как несколько дружинников в кольчугах и шлемах уперлись ручищами в колоду, покатали ее к реке.

С громогласным «плюх!» идол шлепнулся в воду. Сначала застрял на мелководье, но его вытолкнули дальше, на глубину. Течение подхватило тяжелую деревяшку, понесло прочь.

– Нет, батюшка, нет! – запричитал белобородый старик, упав на колени у самой воды.

Подскочивший воин взмахнул плеткой, вытянул старика поперек спины. Тот охнул, испуганно сжался.

– Всякий, кто не крестится ныне, будет против меня! – завопили от того места, где стояли идола, и Игорь разглядел кричавшего.

Овальное лицо, русая борода, на волосах – тонкий золотой венец, в глазах – злоба и неуверенность. За плечами полощется алый плащ, а правая ладонь крепко сжимает эфес спрятанного в ножнах меча.

Даже слишком крепко.

– Веру предков на девку променял! – завопили из толпы. – Грекам продан! Сын рабыни!

– Бей его! Бей!

Донесся дружный рев, лицо князя исказилось...

Видение исчезло.

Игорь обнаружил, что стоит на том же берегу озера перед широкими воротами, чьи деревянные створки окованы стальными полосами. По сторонам от них были башни, дальше тянулась стена, сложенная из здоровенных, кое-где поросших мхом бревен. Над ней торчала маковка церкви, ярко сверкал под солнцем крест.

– Вот и он, – сказал Сергей. – Град Китеж.

Вновь заскрипело, и ворота начали открываться. Створки неторопливо поползли в стороны, стали видны тянувшие их мужики, потные, голые по пояс, в шароварах из серой ткани. Открылась уходящая в глубь города улица, дома – старинного облика избы, цветные наличники на них, коньки на крышах.

Дорогу загораживали трое стариков.

Средний был высок и широкоплеч, но сутулился, точно на его плечах лежала невидимая тяжесть. Темные глаза смотрели вопрошающе, седая борода падала на грудь. Из-под нее виднелся повешенный на веревку большой железный крест. Поверх белого балахона старик носил ленту из ткани, вроде тех, в какие облачаются священники, на ногах его красовались лапти.

Тот, что справа, был одет в залатанную рубаху и драные штаны. Он выглядел настолько худым, словно не ел много дней. Взгляд притягивал высокий лоб и очень светлые глаза.

Третий был голым, грязные спутанные волосы падали на плечи, а лицо кривилось и подергивалось.

– Пусть не сладились, пусть не сбылись эти помыслы розовых дней, – пробормотал Сергей негромко, – но колья черти в душе гнездились – значит, ангелы жили в ней...

– Да упасет нас Матерь Божия от таких гостей, – сказал средний старик и перекрестился.

Его жест повторили двое других.

– Был бы удивлен, обрадуйся вы мне, – сказал Олег.

– Не сотрясай воздух зря, чадо, – мягко заметил худой старик. – Милостью Господа нашего Иисуса Христа знаешь ты дорогу сюда, и я искренне верую, что не злые помыслы привели тебя к вратам Китежа. Открой же нам их.

– Вы помните того, кто сказал «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»? – спросил Олег.

– Само собой, – кивнул средний старик. – Старший собрат сего беспутного чада матери нашей, церкви, – он сердито глянул на Сергея. – Да простит Матерь Божия грехи того и другого...

– Он мертв. Его убили. Как убили и Донского, и Дениса Давыдова. В последние дни, одного за другим.

Голый старик перестал подергиваться, худой горестно вздохнул, а средний покачал головой.

– Воистину дурные вести, – сказал он. – И что ты хочешь от нас?

– Помощи. Нужно созвать синклит. А без вас это невозможно.

– Да, чадо, тут ты прав, – заметил худой старик. – Заходите, дети мои. Хоть вас и нельзя назвать добрыми христианами, всякий, кто достиг ворот града Китежа, имеет право войти.

Олег и Сергей пошли в ворота, Игорь двинулся следом. Под взглядами обитателей Китежа чувствовал себя неловко, казалось, что они, словно рентгеновские лучи, проходят насквозь.

Когда оказались внутри города, широкоплечий старик в балахоне кивнул. Мужики надавили на створки, заскрипели петли.

– Э, тяжело твое горе, – сказал голый старик, глянув на Игоря ярко-синими детскими глазами. – Но ничего, можно ему помочь...

Он подошел ближе, Игорь ощутил запахи мочи, пота, давно не мытого тела. Потом неожиданно увидел Московский кремль, Красную площадь и собор Василия Блаженного на ней.

Когда пришел в себя, обнаружил, что голый старик держит его за руку и шепчет на ухо:

– ...поверуй во богородичен схват... оставь это... восприми силу животворящего... Ибо аминь, аминь... трижды три раза...

Игорь покачулся, тупая игла боли, сидевшая в сердце с того момента, как он узнал о смерти жены, зашевелилась. Из глаз полились слезы, а тело стало мягким и теплым, как воск растаявшей свечи.

А потом боль ушла, исчезла без следа, и он смог вдохнуть полной грудью, вобрать в себя сладкий воздух Китежа.

– Оставь мертвое мертвому, – сказал голый старик и улыбнулся, открыв гнилые черные зубы. – А сам живи.

Он перекрестил Игоря, и тот ощутил сильное желание упасть на колени. С трудом удержался, стал вытирать мокрое лицо.

– Так гораздо лучше, – проговорил широкоплечий старик. – Пойдемте, гости дорогие. Мы с братом Сергием послушаем вас...

Двинулись прочь от ворот, впереди старики, за ними гости, а позади двое мужиков, что открывали ворота. Они выглядели вполне обычно, да и разговаривали о делах земных – о том, что надо бы трактор починить.

Игорь глядел по сторонам, на добротнo сложенные избы, на видневшиеся вдали церкви – тоже деревянные, с большими куполами, выкрашенными в синий цвет. В душе росло странное чувство – все казалось ненастоящим, нарисованным, словно он угодил в мультик про Добрыню Никитича...

Наконец не выдержал, догнал Сергея и вполголоса спросил:

– Что это за место? И кто они такие?

– Ты до сих пор не понял? – Сергей наклонил голову, тряхнул волосами. – Они – такие же осколки прошлого, как и мы. Только в них до сих пор верят миллионы, им молятся и даже приносят жертвы. Ставят свечи в церквях от Бреста до Владивостока. Поэтому сила их велика. В пределы Китежа, что бы вовне ни случилось, хода не будет никому. Поэтому в этом городе может скраться любой из нас, кто устал от мира. Много живет их здесь, тех, кто был князьями и императорами, святыми и писателями, а стал ожившим фрагментом памяти...

И он горько улыбнулся.

Игорь завертел головой, пытаясь увидеть хоть кого-то из обитателей Китежа. Но город выглядел сонным и пустынным, словно был вовсе ненаселен или на самом деле только что

поднялся со дна озера. Не было собак, не кричали петухи, даже воробьи не кувыркались в пыли.

Улица привела к одной из церквей, необычно большой, о пяти главах, с золотыми крестами. Рядом с ней обнаружилось вытянутое, напоминавшее сарай здание с плоской крышей.

В отличие от остальных строений Китежа, оно выглядело бедно, даже убого.

– Вам сюда, – сказал широкоплечий старик, прихрамывавший на ходу. – Здесь, во имя Божией Матери, мы принимаем гостей.

Внутри оказалось полутемно и мрачно, нос пощекотал запах свежеструганых досок. Гостей провели по коридору, и они оказались в просторной комнате, где стояли дощатые столы и лавки.

– Трапезная, – с улыбкой сказал худой старик. – Садитесь, чада. Покушайте, чего Бог послал. Потом мы с братом Серафимом вас послушаем, – он перекрестился и пошел к двери.

За ним зашагали остальные.

– Мне кажется, это сон, – сказал Игорь, ощупывая столешницу. – Град Китеж... Светлояр...

Сергей улыбнулся, но как-то невесело.

– Когда кажется – креститься надо, – сказал он. – Это тебе и наши хозяева подтвердят. Ага, вот и еда...

Открылась дверь, в нее вошли трое молодых людей в черных рясах. Они выглядели бледными, словно никогда не видели солнца, и очень худыми. Каждый нес деревянный поднос с мисками и чашками. По комнате поплыли запахи щей, вареной рыбы и жареных грибов.

Поели в молчании.

Игорю в китежской пище почудился какой-то странный, почти неуловимый привкус. Приятен он или нет, разобраться так до конца и не сумел, но съел все, что предложили.

Едва Олег, закончивший обедать последним, положил ложку, дверь открылась. В трапезную вернулись молодые люди в темных рясах, а за ними зашел худой старик.

– Пошли, чада, – сказал он. – Ты же, – ласковый взгляд светлых глаз обратился на Игоря, – останься пока тут. Вещи бросайте где-нибудь на лавке. Не думаю, что на них кто-то позарится.

Сергей подмигнул, Олег на прощание хлопнул Игоря по плечу, потом они ушли. Молодые люди в рясах убрали подносы с грязной посудой, затем один из них вернулся.

– Непросвещенный брат во Христе, – сказал он тонким, почти женским голосом. – Нет ли у тебя желания посетить церковь? Сумку можешь оставить здесь.

Игорь подумал, что сидеть в трапезной будет скучно, и согласился.

Вновь прошли по коридору и очутились под ослепительно синим небом Китежа. Игорь даже на мгновение зажмурился – такой яркий свет лился сверху. Большая церковь оказалась открыта, из распахнутых дверей доносилось приглушенное пение, тек сладкий запах ладана.

– Идем, непросвещенный брат во Христе, – сказал молодой человек. – Только не забывай соблюдать тишину.

Царивший в храме сумрак после буйства света снаружи показался Игорю полной тьмой. Только когда глаза привыкли, он разглядел огоньки тысяч свечей, что освещали сотни икон.

Все они были древние, потемневшие от времени, сурово смотрели с них святые.

Откуда доносилось пение, Игорь понять так и не смог, казалось, что сверху, чуть ли не с небес. Увидел священника с кадилом, обходившего вокруг алтаря, прихожан, что стояли на коленях.

Их было много, чуть ли не несколько сотен – мужчины, женщины, все одеты по-старинному.

– Обратись к душе своей, непросвещенный брат, – тихо сказал молодой человек в рясе, – и пусть она сама беседует с Отцом Нашим...

Служба шла, Игорь смотрел и слушал, вдыхал запах горячего воска и ладана. Невидимый хор пел, священник читал что-то, прихожане крестились. И все это было ненастоящим, искусственным. Чего-то очень важного тут не хватало.

Чего именно – Игорь понять не мог.

Служба закончилась, кое-кто из прихожан пошел к священнику за благословением, другие потянулись к выходу. Мимо Игоря прошла чем-то напомнившая ему Олега статная женщина в длинном платье и темном платке. Прошагал человек в мундире, с бородкой и подкрученными вверх усами.

Его лицо Игорь видел в учебнике истории, посвященном России двадцатого века.

– Не желаешь ли обратиться с просьбой к кому-нибудь из святителей? – негромко спросил молодой человек.

Почти забывший про него Игорь невольно вздрогнул.

– Нет, – сказал он. – Нет... я даже не знаю, о чем просить... Пока не знаю...

Он не лукавил. Раньше желания человека по имени Игорь Ветров были просты и понятны: чтобы начальство не доставало, а подчиненные не занимались ерундой сверх меры; чтобы дома все было хорошо да любимый баскетбольный ЦСКА в очередной раз выиграл...

Сейчас они потеряли смысл, исчезли.

А новых Игорь не обрел.

– Как знаешь, непросвещенный брат, – молодой человек в черной рясе печально вздохнул. – Пошли.

Они вышли из церкви. Мгновением позже хлопнула дверь дома для гостей, и из нее появились Олег и Сергей в сопровождении двух стариков – широкоплечего и худого. Олег выглядел невозмутимым, Сергей озадаченно потирал лоб.

– Мы услышали твои слова и будем молить Божию Матерь и Его самого о помощи, – сказал широкоплечий. – До всех наших братьев, что обитают здесь, новости будут донесены.

– Сами мы на синклит прибудем, – худой поднял руку, точно собравшись перекрестить Олега, но тут же опустил ее.

– Хорошо, – сказал тот. – Большого я и не ждал.

Молодые люди в черных рясах принесли вещи, и гостей повели обратно к воротам.

Весь путь Игорь чувствовал на себе взгляды обоих стариков, и читалось в них сочувствие.

– До встречи, – сказал широкоплечий, когда сопровождающие вытащили засов и начали открывать ворота.

– До встречи, – кивнул Сергей.

Ворота открылись, стало видно озеро, противоположный берег, поросший лесом, и ползущий у самой воды богомолец со свечами в руках. Игорь подумал, что именно увидит он сейчас – как трое людей появляются из пустоты? Или разглядит город? Или вообще не заметит ничего?

Услышал скрип петель, а когда обернулся, то Китеж исчез.

Позади был склон холма, наверху шумели, раскачиваясь на ветру, великанские сосны. И далеко-далеко, на самой грани слышимости, утихал мягкий колокольный звон.

– Бога они будут молить о помощи. – Олег покачал головой. – Как будто он явит себя и мановением руки исправит все. Вспомните хотя бы один случай, когда он вмешался непосредственно? Такого не было. Нет, он творит руками людей. Надо надеяться на людей, а их в стране сейчас и нет, остались пьяницы, воры и дураки. И это молитвами не исправишь...

И такая горечь прозвучала в его словах, глубокая, сердечная, что Игорь ощутил неловкость.

Всегда тяжело, когда тот, кого ты считаешь сильным, проявляет слабость.

– А чего ты ждал от них? – Сергей вытащил сигарету, щелкнул зажигалкой и закурил. – Плакать хочется, когда они начинают свое нытье: вне церкви нет спасения, вне церкви нет русских... Не зря, конечно, Розанов сказал: «Кто любит русский народ, не может не любить церкви. Потому что народ и церковь – одно». Но когда это было?

– Розанов был большой идеалист, – проворчал Олег. – А ну-ка, пошли. До автобуса всего полчаса.

Игорь еще раз оглянулся туда, где только что стоял город, но вновь увидел только холм и деревья. Ощутил смутную тоску, захотелось вернуться туда, еще раз войти в ту церковь...

– Что, тянет? – спросил Сергей. – Это всегда так. Но жить в Китеже тяжело даже таким, как мы. А уж человеку – и вовсе очень непросто. Там все хорошее, чистое, светлое... но ненастоящее...

Они пошли вдоль берега озера, сначала на юг, потом на юго-запад. Поднялись по откосу, и Игорь снова оглянулся, чтобы увидеть то место, где сердце его избавили от злой тоски.

И ему показалось, что упавший на воду Светлояра луч блеснул, точно золотой крест на маковке церкви.

Библиотекарь

Нестор Феодосиевич всегда являлся на работу в одно и то же время.

Ровно без пяти девять каждый рабочий день он проходил мимо главного входа в библиотеку имени Вернадского, бросал взгляд на собственное отражение в застекленных дверях и шел дальше, к служебному входу.

Тут он задерживался на пять минут, чтобы выкурить первую за день сигарету, и только затем проходил внутрь.

Часовая стрелка в этот момент стояла на девяти, минутная – на двенадцати.

Не стал исключением и сегодняшний день. Нестор Феодосиевич толкнул дверь, оказался перед вертушкой и стеклянной будкой, в которой одноголовым Цербером восседал суровый вахтер Никитич. Возрасту он был почтенного, нраву свирепого, а в далеком прошлом имел партизанские будни.

Сотрудники библиотеки, что помоложе, откровенно побаивались его.

– Доброе утро, – сказал Нестор Феодосиевич.

– Доброе, – буркнул Никитич. – Доставай документ. Без документа ни за что не пушу. Сам знаешь.

Нестор Феодосиевич работал в библиотеке более тридцати лет, с Никитичем был знаком около двадцати. Но он знал, что, стоит забыть пропуск дома, упертый старик ни за что не пустит внутрь.

Явись сюда сама пани Юля или пан президент, и им пришлось бы уйти несолоно хлебавши.

– Сейчас, – вздохнул Нестор Феодосиевич.

Он полез во внутренний карман темного плаща, в котором ходил и летом, и зимой, вызывая улыбки у окружающих. Из-за этого плаща, бородки и длинных волос Нестора Феодосиевича время от времени принимали за священнослужителя. Из кармана достал серую книжицу пропуска.

– Вот теперь проходи, – сказал Никитич и позволил себе совершенно неуставной смех.

Он означал, что у старика хорошее настроение.

Нестор Феодосиевич толкнул вертушку, та загрохотала. Пройдя через нее, он очутился на служебной территории библиотеки, куда случайный человек попасть в принципе не может, а если и попадет, то заблудится среди бесчисленных лесенок, коротких коридоров, одинаковых переходов и крашенных в белый цвет дверей.

Нестор Феодосиевич ориентировался тут прекрасно.

Он прошел коротким коридором, кивнул попавшейся навстречу девушке из отдела комплектования. Поднялся по лестнице на второй этаж и транзитом еще через два коридора – на третий.

Толкнул дверь, на которой висела табличка «Отдел рукописных книг», и оказался в небольшой комнате. У стен стояли высоченные шкафы с папками, на окошке – горшки с геранью и кактусами.

– Доброе утро, – сказал Нестор Феодосиевич.

– Доброе утро, – ответили ему хором две сидевшие за компьютерами девушки.

Они и Нестор Феодосиевич составляли весь персонал отдела рукописных книг. Такой существовал, несмотря на то что в составе библиотеки имелся особый Институт рукописей. Отдел несколько раз хотели ликвидировать, но все время эти планы почему-то проваливались, и отделчик продолжал жить – маленький бюрократический аппендикс в громадном теле.

Нестор Феодосиевич числился его начальником.

Он прошел в угол, где стоял его стол – большой, массивный, из темного дерева, с толстыми ножками в виде львиных лап и старинной бронзовой чернильницей. Снял плащ, повесил его в шкаф и остался в костюме-«тройке» черного цвета.

Такие обычно надевают на похороны.

Проведя ладонью по русым волосам, где поблескивали пряди седины, Нестор Феодосиевич сел за стол и включил компьютер. Дьявольский аппарат, которого начальник отдела, честно говоря, немного побаивался, негромко загудел, осветился тонкий монитор на столе.

Нестор Феодосиевич бросил на подчиненных традиционно суровый взгляд и погрузился в работу.

Нужно было готовиться к выставке рукописей, принимать книги после реставрации, подписывать бумаги на допуск в хранилища, где находился фонд ограниченного доступа.

Обычная бумажная работа, что есть в любой конторе.

Несколько раз Нестор Феодосиевич звонил по телефону, потом пришлось брать трубку самому и отвечать на невнятные вопросы начальства. Один раз выбрался из отдела и даже из лабиринтов служебных помещений. По пандусу, у основания которого имелся небольшой садик, поднялся в один из читальных залов.

Народу было не очень много, в свете больших круглых ламп занималось всего человек пять.

В отдел Нестор Феодосиевич вернулся как раз к обеду.

Ел он очень мало, обходился чаем с пирожками, которые девушки приносили из библиотечной столовой.

Закончив с обедом, Нестор Феодосиевич снял с вешалки плащ.

– Еду в Институт рукописей, – сказал он. – Вернусь часа через два. Вы тут без меня особо не скучайте.

Сотрудницы отдела рукописных книг дружно заулыбались.

Нестор Феодосиевич спустился на первый этаж, кивнул Никитичу и покинул библиотеку. Через сорок минут он оказался на Владимирской улице, у здания филиала. Заходя в него, глянул на юго-восток, в ту сторону, где на берегу Днепра расположена Киево-Печерская лавра...

Подумал о том, что неплохо было бы поехать туда, пройти мимо Троицкой церкви, порадоваться при виде отстроенного на старом фундаменте Успенского собора. И затем дальше, мимо трапезной и колокольни двинуться вниз, к пещерам, сначала к Ближним, где подвизались многие славные мужи, а затем к Дальним, что прославлены преподобным игуменом Феодосием...

В стенах лавры Нестор Феодосиевич провел лучшие годы жизни.

Посмотрев в ее сторону, он нахмурился и пообещал себе, что в ближайшие же выходные съездит туда.

В Институте рукописей он прошел через пост охраны и отправился в одно из хранилищ. А ощутив ни с чем не сравнимый, тонкий запах старых, рукописных книг, аромат пергамента и ссохшихся чернил, забыл обо всем.

Он старался приезжать сюда как можно чаще, даже чаще, чем в лавру.

Что церкви и пещеры, если Дух Божий заключен в книгах?

Рукописи напоминали Нестору Феодосиевичу о тех годах, когда он сам работал с ними. Нет, не так, как сейчас, а совсем по-другому. Было это в те времена, которые ныне казались чуть ли не сказкой.

В филиале Нестор Феодосиевич задержался дольше, чем предполагал изначально. В основной корпус вернулся только к пяти. Отпустив девушек, остался в комнате один – кое-какие дела нужно было сделать сегодня.

Домой он не спешил. В однокомнатной квартире на окраине Киева Нестора Феодосиевича не ждал никто.

Когда закрыл последний файл, часы в углу монитора показывали двадцать сорок. За окном сгушался поздний июньский вечер. Нестор Феодосиевич выключил компьютер, встал и потянулся за плащом.

Заперев отдел, спустился к выходу, где сдал помещения под охрану. Поговорив с вахтером, чуть более молодым сменщиком Никитича, о футболе, о том, что «Динамо» в этот раз обязательно утрет нос «кротам» из Донецка, вышел на улицу. Поправил воротник и решил часть пути до дома проделать пешком.

С проспекта Науки свернул на Голосеевскую улицу, затем на Олега Кошевого и тут услышал за спиной шаги.

Хотя улица оставалась пустынной, Нестор Феодосиевич не испытал беспокойства. Денег у него не было, как и чего-либо ценного, а внимания желающих покуражиться хулиганов он умел избегать.

Он даже не добавил хода.

Шаги приблизились. Повернув голову, Нестор Феодосиевич краем глаза различил фигуру молодого человека, уловил смазанный металлический блик. Он вздрогнул, начал разворачиваться.

Молодой человек прыгнул, сверкнул нож в его руке.

Треснула ткань плаща, что-то хрустнуло, точно сломалась ветка. Боль ударила Нестора Феодосиевича в бок. Он захрипел, попытался оттолкнуть нападавшего, но тот замахнулся и ткнул ножом еще несколько раз. По животу начальника отдела потекла горячая кровь.

Нестор Феодосиевич открыл рот, чтобы крикнуть, позвать на помощь, но сил на это у него не хватило. Он упал на колени, увидел серый блестящий асфальт, ноги в белых кроссовках и синих джинсах, испачканное алым лезвие в опущенной руке.

И в последний момент, теряя сознание, он сумел поднять голову и разглядеть глаза нападавшего.

Они были полностью, совершенно черными.

Глава 3

Россия нам отечество: ее судьба и в славе и в уничижении равно для нас достопамятна. Мы хотим обозреть весь путь государства Российского от начала до нынешней степени оногo. Увидим толпу князей недостойных и слабых; но среди них увидим и героев добродетели, сильных мышцею и душою. В темной картине междоусобий, неурядиц, бедствий являются такие яркие черты ума народного, свойства, нравов, драгоценные своею древностью.

Н. М. Карамзин

«История государства Российского»

В Нижний Новгород въехали под мелким морсящим дождем.

Несмотря на ночь в поезде и на две утомительные поездки, Игорь не чувствовал себя усталым. Ощущал приятную легкость, а холодную тяжесть в сердце сменила тихая печаль. Он осознал, что только вчера потерял жену, но это не вызвало опустошения или боли.

– Ох, хорошо, – сказал Сергей, когда они выбрались из автобуса. Встряхнул головой и криво улыбнулся. – Мне было не по себе среди этих святош. Но сейчас я оживу. И тогда, ух...

– Оживай, но только особенно не спеши, – заметил Олег. – Нам нужно поймать такси.

И он направился туда, где у выезда с автостанции стояло несколько машин с шашечками на капотах.

Через пять минут они сидели в салоне белой «Волги», а водитель выруливал на дорогу. Сергей, занявший переднее сиденье, напевал себе под нос нечто неприличное, Игорь и Олег на заднем молчали.

Светофор поменял зеленый огонек на красный, и такси удалось вклиниться в сплошной поток машин. По правой обочине дома вскоре закончились, открылась Ока, серая под дождем, длинный остров на ее глади, поросший кустарником и деревьями, а позади него – зеленый откос противоположного берега.

– Вот черт, – сказал водитель, рыжий и веснушчатый, – на мосту опять пробка. И так почти каждый день!

– Пойми, приятель, это в любом городе, – вздохнул Сергей. – А что, девки красивые у вас в Нижнем есть?

– А то! – с воодушевлением отозвался водитель и принялся в подробностях расписывать прелести местных красавиц.

«Волга» медленно ползла вдоль набережной. На реке покачивались дебаркадеры – пристани и даже ресторан на воде. Слева проплывала огороженная забором территория Нижегородской ярмарки. Блестела мокрая крыша главного павильона, возведенного еще в царские времена.

Подъехали к мосту, свернули на него и вовсе встали. Справа стал виден протянувшийся над рекой недостроенный метромост, слева открылся во всей красе громадный собор – желтый, с черными куполами.

– По-моему, очень красивый храм, – сказал Игорь. – Интересно, кому он посвящен?

– Александру Невскому, – проговорил Олег. – Хотя это скорее не храм, а воплощенный в камне миф.

– Почему?

– Ты и вправду хочешь знать? – Олег покачал головой. – Прах и пепел, это знание будет для тебя неприятным.

– Чего же тут неприятного? – Игорь пожал плечами. – Все знают, что Александр – герой, что он... это, победил шведов и немцев. Еще сказал – кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет...

– Да? Тогда собор следует посвятить Святому Эйзенштейну – создателю последней версии мифа об Александре Невском. Последней и самой популярной.

– Но историки...

– А что историки? Почти все, что о нем знает современная история, известно из «Жития», написанного в конце тринадцатого века со вполне очевидной целью – создать героя для раздробленной, разграбленной страны. О Невской битве, например, написано только в «Житии». О ней не сообщает ни один из зарубежных источников. Шведы о ней ничего не знают. Тебя это не удивляет?

– Ну, как же...

– О других своих поражениях в то время шведы пишут откровенно, ничего не скрывая. А тут молчат. И я тебе скажу почему. Потому что Невской битвы не было. Никто не ранил шведского ярла в глаз. Это сказка, такая же, как о Кощее Бессмертном. Но благодаря вере она стала исторической реальностью. А так ведь даже прозвище Невский появляется лишь в пятнадцатом веке.

Игорь сидел молча, но внутри кипело от возмущения. Хотелось возразить, закричать: «Все это неправда! Невский – герой!» Но он понимал, что Олег не будет врать, что он говорит правду...

Но до чего же мерзкой и горькой она была!

– Продолжим, – сказал Олег. – Разберемся с битвой на Чудском озере. Ледовое побоище имело место, вот только Тевтонский орден в нем не участвовал. Поскольку тогда еще не объединился с Ливонским, который и граничил с новгородскими землями. И еще – это была не крупная битва, а небольшая стычка. «Ливонская хроника» говорит о двадцати убитых и шести плененных рыцарях. Маловато для судьбоносного сражения?

– А как же «свинья», растрескавшийся лед и все остальное... – растерянno пробормотал Игорь.

– Об этом позже, – сказал Олег. – Хочешь подтвержденных историками фактов? Ты знаешь, что до пятидесят восьмого года не было ни одной археологической находки на Чудском озере? А поиски пятидесят восьмого – шестидесятого в озере и вокруг ничего не дали?

«Волга» двигалась по мосту неспешно, проезжала с десятков метров и вставала снова. Сергей и водитель продолжали болтать о женщинах, из радиоприемника голосил Валерий Меладзе.

– Невского канонизировали в тысяча пятьсот сорок седьмом году в составе двадцати двух новых святых, когда обретшей независимость от Константинополя Русской православной церкви понадобились свои праведники для поднятия авторитета. – Олег был безжалостен, точно вскрывающий рану хирург. – Значение Чудской битвы было раздуто немного позже, когда Иван Грозный воевал в Ливонии и нуждался в обосновании вторжения. Невского для этой же цели использовал Петр Первый в Северной войне. А вот современный миф о Ледовом побоище создали совместными усилиями Сергей Эйзенштейн, Николай Черкасов и Сергей Прокофьев. Ну и помогли советские историки, в конце тридцатых годов придумавшие легенду об Александре как великом стратеге. Тогда мы собирались воевать с Германией, и такой герой СССР очень бы пригодился. Хотя за первые двадцать лет существования страны Невского даже не упоминали в учебниках истории. А после того как Молотов и Риббентроп подписали известный пакт, фильм перестали крутить в кино и на два года убрали в архивы. Вспомнили о нем только в сорок первом, когда немцы опять стали врагами...

– Так они это придумали? – голос Игоря дрогнул. – И про псов-рыцарей... и про победу?

– Конечно. Невский стал символом нации, символом побед и удачи, очень удобным и ярким. Сначала его попытался присвоить себе Новгород, отсюда сказка о том, что во время пожара во Владимире в четыреста девяносто первом году святой уехал из гробницы на коне в небо. Но Москва оказалась сильнее, выиграла битву за историю, и Александр стал не просто региональным героем, а общенациональным.

Итого получается, что у нас есть три фальшивых образа Невского. Во-первых, святой благоверный князь из «Жития», почти былинный персонаж. Потом – политик, полководец из государственного мифа Ивана Грозного, а затем и Петра Первого. И, в-третьих, князь из фильма. Самый живой, всем известный до такой степени, что фразы, произнесенные Черкасовым, стали включать в учебники истории...

Олег замолчал, Игорь услышал, как тархтит мотор, как капли барабанят по крыше машины.

– И еще есть реальный Александр Ярославич, представитель владимирского княжеского рода. Хочешь послушать о нем?

Игорь немного поколебался и ответил:

– Хочу.

– Он чуть ли не больше всех выиграл от власти монголов, – сказал Олег. – Он отдал под руку Батые Новгород, хотя тот готов был сражаться. Дважды, в двести сорок втором и пятьдесят девятом годах, подавлял антимонгольские восстания в Новгороде. Разгромил коалицию Даниила Галицкого и собственного брата Андрея, направленную против Орды. Фактически Александр Невский начал монгольское иго, по поводу которого до сих пор ломают копья историки... Что, похож он на героя?

– Это... это невозможно, – Игорь сглотнул.

Олег почесал бороду, потянулся так, что хрустнули суставы в плечах, и сказал мрачно:

– Ты хотел правды? Ты ее получил. Да только для мифа правда не важна. Важна вера. А здесь ее предостаточно. Постарались и московские князья, потомки Александра, Иван Грозный и Петр Первый, православная церковь. А потом и товарищ Сталин вместе с Эйзенштейном.

– Ради бога, хватит вам о глупостях всяких болтать, – влез в разговор Сергей. – Я вот выяснил, где тут лучше всего девчонок снимать... Будет часок-другой – прогуляемся, осмотримся...

Олег устало посмотрел на него.

Машина тем временем все же съехала с моста и покатила вдоль набережной. Остался позади Речной вокзал, похожий на громадный белый теплоход, потянулся скрывший реку забор.

– Строят, черти, – сказал шофер, мотнув рыжей башкой. – И чего строят? Очередной торговый центр, наверное. Эх, такой красивый вид на Стрелку пропадет...

После нового поворота двинулись вверх, прочь от реки. Проехали мимо памятника Минину и Пожарскому – точной копии московского. Игорь загляделся на красивую бело-зеленую церковь.

Слева вплотную подступил холм, на вершине которого стоял кремль.

Трава на склоне была аккуратно подстрижена, наверху, у стен древней крепости, тянулась пешеходная дорожка, торчали фонари. Сейчас, во время дождя, она выглядела пустынной.

Промелькнул навесной мостик, и они выехали на большую, вытянутую вдоль кремля площадь.

– Площадь Минина, – сказал водитель. – Нам сюда.

Такси остановилось между сквером и зданием художественной галереи. Игорь выбрался из машины первым, невольно поежился от мозглой прохлады. Вытащил из багажника сумку, с сожалением подумал, что, удирая из дома, не прихватил теплой одежды.

Сергей вскинул рюкзак на спину, Олег повесил сумку на плечо.

– Куда мы хоть идем? – спросил Игорь, когда водитель захлопнул багажник и «Волга» укатила прочь.

– Нас ждет деловой визит, – сказал Олег. – Не такой серьезный, как утром, но тоже достаточно важный.

От площади уходила пешеходная улица, и у самого ее начала, заложив руки за спину, стоял бронзовый городской в форме девятнадцатого века. На поясе его болтался палаш. Роста полицейский был баскетбольного, обычные люди смотрелись рядом с ним карликами.

– Ишь чего придумали, – сказал Сергей, осматривая статую.

Он закурил, и они зашагали по брусчатке, мимо витрин магазинов, торгующих спортивной одеждой. Миновали бронзового фотографа с собачкой и вполне живую торговку букетами. Получили пару рекламных проспектов от девушек в цветастых балахонах с крыльями.

Проспекты приглашали посетить выставку экзотических бабочек в Доме офицеров.

Игорь вытаращил глаза при виде старинной вывески, сообщавшей, что в доме находится «Скоропечатная и граверная мастерская М. И. Свердлова. Производство печатей и каучуковых штампов. Фирма существует с 1881 года».

– Никак не запомню, какой нам нужен поворот, – пожаловался Олег, останавливаясь у узкого проема между домами.

Сергей понюхал воздух, точно охотничья собака, ловко зашвырнул непотушенный бычок в урну.

– Этот, – сказал он. – Нашими пахнет.

В проеме, что шириной был не более метра, Игорь ощутил только вонь кошачьей мочи. Пройдя через него, выбрались в окруженный домами со всех сторон двор, грязный и маленький.

Тут стояли мусорные баки, на одном из них сидел мрачный черный кот. Вид у него был совсем не дружелюбный. Напротив проема виднелся въезд во двор, а со всех сторон – разномастные двери.

Олег уверенно зашагал к той, над которой висела голубовато-оранжевая вывеска «Нижний-Трэвел. Агентство путешествий».

– Туристическая фирма? – спросил Игорь.

– А что тебя удивляет, милый? – хмыкнул Сергей. – Эх, и где только наша не пропадала?

Козырек над дверью был старый, покосившийся, зато сама дверь – новой и очень мощной. Над ней торчал стеклянный глазок видеокамеры, а сбоку притулились решетка динамика и блестящая кнопка вызова.

Олег нажал ее.

Динамик кашлянул и женским голосом спросил:

– Да?

– Мы к Дмитрию и к Кузьме, – сказал Олег. – А если их нет, то и Иван сойдет.

– Вы знаете... – в женском голосе появилась неуверенность. – У нас работает много людей. Вы не мог...

– А ну-ка перестань корчить из себя дуру. Мне нужны хозяева.

Секретарша просто-напросто потеряла дар речи, а мгновением позже дверь распахнулась.

– Ну и зачем грубить? – спросил появившийся на пороге толстый мужчина средних лет. – Мы бы и так открыли.

Наряжен он был в дорогой темно-синий костюм, из-под распахнутого пиджака выпирало обтянутое белой рубашкой пузо. На смуглом лице блестели хитрые карие глаза, черные волосы напоминали руно.

– В этой стране без хамства ничего не делается, сам знаешь, – проворчал Олег. – Ну что,пустишь внутрь или тут говорить будем?

– Пущу, куда деваться? – смуглый махнул рукой, на ней сверкнуло золотое кольцо. – Хотя от таких гостей, как вы, делу один убыток. А соль-то достается дорого.

– При чем тут соль? Ты ж, Кузьма, мясом всю жизнь торговал? – поинтересовался Сергей.

Смуглый засопел сердито, но ничего не сказал. Только еще раз махнул рукой, приглашая за собой.

Игорь вступил в короткий полутемный коридор последним. Входная дверь с мягким щелчком закрылась за его спиной. Коридор привел в большой офис – столы, шкафы вдоль стен, мерцающие мониторы, негромкий писк сканера.

На вошедших бросила обиженный взгляд обильно накрашенная блондинка лет тридцати, похоже – секретарша, что с ними разговаривала. Сергей ответил ей хищной улыбкой, и блондинка потупилась.

Кузьма провел их через офис, к еще одной двери, обитой коричневой кожей, с позолоченной табличкой «Директорат».

– Заходите, – сказал он.

За этой дверью обнаружился офис поменьше.

Столов тут было всего три, в углу в кадке стояла невысокая пальма, на стенах висели разноцветные дипломы. Два больших черных кресла за столами пустовали, в третьем сидел светловолосый мужчина. Его высокий лоб переходил в залысины, нос напоминал башмак, торчала острая борода.

– Кто к нам явился? – спросил светловолосый, вставая из-за стола. – Вот уж не ожидал, не ожидал...

Стало ясно, что костюм у него светло-серый, а серебряная заколка на галстукe – в виде московского герба.

Олег пожал протянутую руку, сказал равнодушно:

– Мало кто ожидает меня увидеть. Куда Иван делся?

– Уехал в Москву, группу польских туристов встречать. – Кузьма подтащил от стены три стула. – Садитесь, гости дорогие. Говорите, с чем пожаловали, чего хорошего узнали...

Сам опустился в кресло за тем столом, что стоял у окна, узкого и забранного решеткой.

– Хорошего нет, – сказал Олег, когда гости сели. – Зато плохого предостаточно. Мы только что из Китежа...

Игорь загляделся на стену, где между розовым дипломом «Лучший туроператор-2006» и какой-то лицензией висела деревянная доска с гербом. На нем два льва держали щит с птицей, вцепившейся в человеческую голову. Под ногами львов извивался тощий дракон.

Еще выше, под потолком обнаружил самое настоящее знамя, красно-золотое, немного обтрепанное по краям. На нем был изображен коленопреклоненный воин, рядом с ним – ангел с обнаженным мечом. Вдоль верхнего края тянулась надпись – «Архангел Михаил».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.